

ИЭН

БЭНКС

ШАГИ ПО СТЕКЛУ

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

ЭКСКЛЮЗИВНАЯ КЛАССИКА (АСТ)

ИЭН БЭНКС

Шаги по стеклу

«ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ»

1985

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Бэнкс И. М.

Шаги по стеклу / И. М. Бэнкс — «Издательство АСТ»,
1985 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-108882-8

Молодой человек, с первого взгляда влюбившийся в случайно встреченную девушку, оказывается втянут в таинственную историю... Простой рабочий уверен, что в действительности он – гонимый полководец великой галактической войны, заключенный в человеческое тело... В загадочном Замке Дверей, расположенном неведомо в каком времени и пространстве, два старика играют в странные игры и пытаются найти ответ на загадку... Три истории, которым в итоге предстоит слиться в единое целое! Роман «Шаги по стеклу», впервые опубликованный в 1985 году, – дерзкий эксперимент по слиянию философской фантастики, притчи и постмодернистской прозы, своего рода «художественный квест», путешествие по скрытым цитатам и отсылкам к произведениям Кафки, Борхеса, Мервина Пика.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-108882-8

© Бэнкс И. М., 1985

© Издательство АСТ, 1985

Содержание

Часть первая	6
Теобалдс-роуд	6
Мистер Смит	12
Одномерные шахматы	20
Часть вторая	30
Роузбери-авеню	30
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Иэн Бэнкс

Шаги по стеклу

© Iain Banks, 1985

© Перевод, примечания, Е. Петрова, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

* * *

Посвящается моей матери и отцу

Часть первая

Теобалдс-роуд

Он шел белыми коридорами, мимо щитов с приклепленными объявлениями о сдаче внаем недорогого жилья и продаже старых автомобилей, мимо любителей кофе, сидевших за столиками, мимо отверстия в белом полу, над которым застыл колченогий стул, охраняя открытый люк, где возился некто с фонариком. У выхода он взглянул на часы:

вт 28

3:33

Спускаясь по ступеням, он помедлил и с улыбкой задержал взгляд на этих цифрах. Три-три-три. Хорошая примета. Сегодня все сойдется, сегодня все сложится.

Дневной свет казался ослепительно ярким даже в сравнении с побеленными стенами и прессованной мраморной крошкой коридоров. Воздух был теплым, слегка влажным, но без духоты. В такую погоду приятно прогуляться пешком. Это тоже радовало, потому что ему вовсе не улыбалось прийти к ней вспотевшим и растрепанным, особенно в такой день, особенно в преддверии этой встречи, сулившей вполне определенную удачу, которая забрезжила в конце пути.

Грэм Парк ступил на широкий серый тротуар перед зданием колледжа и, пропустив поток машин, перебежал на северную сторону Теобалдс-роуд. Поравнявшись с пабом «Белый олень», он пошел дальше прогулочным шагом, помахивая большой черной папкой, которую приходилось нести за единственную уцелевшую ручку. В папке лежали *ее* портреты.

Он посмотрел на небо, простиравшееся над жилыми домами, над громоздкими башнями офисных зданий, и с улыбкой отметил, как причудливо разграфили синеву закопченные городские крыши.

Сегодня все виделось ярче, свежее, отчетливее, будто его обычные, ничем не примечательные жизненные обстоятельства уподобились спектаклю, где актеры сперва запутались в тонком занавесе и не смогли предстать перед публикой, но вот теперь с торжествующим видом выбежали на авансцену и, разведя руки в стороны, запели: «Та-ра-рааа!» Он почти смутился от такого юношеского прилива чувств; это ощущение восторга нужно было лелеять, прятать от посторонних глаз, а если анализировать, то с осторожностью. Достаточно было просто знать о том, что оно есть; сама тривиальность такого блаженства как-то ободряла. Пусть даже многим другим довелось испытать нечто подобное; пусть многие другие испытывают нечто подобное прямо в эту минуту – все равно их переживания будут совсем не такими, никогда не повторят твоих полностью. *Отдайся чувствам*, сказал он себе. *Что в этом плохого?*

У ближайшей многоэтажки застыл, прислонясь спиной к серо-красной кирпичной стене, оборванный, грязный бродяга. Невзирая на жару, он вырядился в зимнее пальто болотного цвета; из одного башмака торчал босой палец. В руках старик держал две большие коробки свежих шампиньонов. От вида бедности в сочетании со странностями Грэму всякий раз делалось не по себе.

Да, много в Лондоне странных личностей. На каждом шагу попадаются нищие и убогие, такие разлетающиеся осколки гранаты, ходячие язвы общества. При встрече с такими субъектами он содрогался от неприязни и страха, хотя от них не исходило никакой угрозы – им самим в пору было бояться каждого встречного. Однако сегодня все смотрелось по-иному; сегодня старик в зимнем пальто, часто моргающий, с землистым лицом, обхвативший потными руками две килограммовые упаковки грибов, выглядел занятно, и не более того – готовый сюжет для будущего рисунка. Дальше по улице, возле почты, топтался высокий, прилично одетый чер-

нокожий парень, который вполголоса разговаривал сам с собой. Он тоже оказался совсем не страшным. Грэм подумал, что, наверное, так и остался провинциалом, хотя упорно с этим боролся. Он всегда напускал на себя столичный скепсис, да, видно, перестарался; потому и шарахался в ужасе от всего, что приоткрывал ему большой город. Только теперь, предчувствуя новые силы, которые могла бы ему дать *она*, он позволил себе роскошь внимательно взглянуться в себя (а ведь в городе требовалось все время носить защитную броню, просчитывать каждый шаг).

Раз и навсегда выбрав для себя маску осторожного циника, он теперь понял, что при всей непробиваемости такой защиты – а результаты ее были налицо: как-никак, студент второго курса и, вопреки опасениям матушки, учится неплохо; деньги не промотаны; на нож не нарывался; сердце свободно, – при всей неоспоримой надежности такой обороны, за все приходит расплата, и расплатой стало отчуждение, непонимание. С чего он взял, что тот чернокожий парень – псих? Мало ли у кого бывает привычка разговаривать с самим собой. С чего он взял, что старик в рваных башмаках – нищий, без пенса за душой, и грибы у него ворованные? Может, просто не повезло бедняге: вышел в обеденный перерыв купить грибов, а башмаки возьми да и лопни. Грэм смотрел на ревущий поток машин и поверх него – на ограду густо увитой плющом Грейз-Инн, видневшейся справа. Этот день, этот путь запомнятся ему навсегда. Даже если она не... даже если его мечты, его надежды не... Нет, все сбудется. У него было твердое предчувствие.

– Ты эти мысли брось, Парк: зуб даю, какая-нибудь грязिशка.

Резко обернувшись, он увидел Слейтера, который сбежал по ступеням библиотеки Холборна: на нем были джинсы в полторы штанины, блестящая черная туфля на одной ноге и высокий ботинок на другой; джинсы он подогнал соответствующим образом, чтобы одна штанина, как положено, опускалась простроченным краем на черную туфлю, а вторая заканчивалась бахромой на уровне колена. Вдобавок Слейтер облачился в потертый жокейский камзол с черной сорочкой и нацепил галстук-бабочку, тоже черный, но при этом густо усеянный мелкими пурпурными стекляшками. Маскарад довершала кепка из красной шотландки. Грэм в голос расхохотался. Слейтер смерил его взглядом, полным напускного презрения:

– Не вижу причин для такого бурного веселья.

– Что за вид? Выглядишь как... – Грэм жестом обвел джинсы и обувь Слейтера, а взглядом указал на кепку.

– Выгляжу как баловень судьбы, – перебил Слейтер, взяв Грэма под локоть и увлекая его вперед, – который на барахолке в Кэмдене откопал настоящие летчицкие ботинки.

– И чикнул ножиком, – подхватил Грэм, разглядывая ноги Слейтера и одновременно высвобождая локоть.

Слейтер ухмыльнулся и сунул руки в карманы обезображенных джинсов.

– Вы показали постыдное невежество, молодой человек. Если бы вы пригляделись повнимательнее или пораскинули мозгами, то могли бы сообразить, что на мне авиаторские ботинки особого фасона, которые с помощью пары молний превращаются в шикарные туфли, коим в сороковые годы не было цены. Смысл-то вот в чем: если отважного аса сбивали в тылу врага, ему достаточно было расстегнуть молнии на щиколотках, чтобы остаться в цивильных туфлях, сойти за местного и обмануть злобных эсэсовцев в узких черных мундирах. А я всего лишь приспособил...

– Совершенно идиотский вид, – не дал ему договорить Грэм.

– Слышу брюзжание сексуального большинства, – парировал Слейтер.

Теперь они шли еле-еле; Слейтер не выносил суеты. Грэм почти свыкся с этой привычкой и знал, что поторапливать Слейтера бессмысленно. Поскольку времени у него было с запасом, оставалось только получать удовольствие от неспешной прогулки.

– Даже не понимаю, чем ты так меня возбуждаешь, – сказал Слейтер, но, взглядевшись в лицо приятеля, с обидой спросил: – Парк, ты меня слушаешь или нет?

Грэм сокрушенно покачал головой, едва заметно улыбнулся, но вслух ответил:

– Конечно слушаю. И хватит паясничать.

– Ах, боже мой, прошу прощения, – театрально расшаркался Слейтер, прижимая руку к груди. – Наш чувствительный гетеросексуал обиделся. Он, наверное, еще и малолетка. О, я этого не перенесу!

– Может, перестанешь придуриваться, Ричард? – сказал Грэм и остановился, чтобы посмотреть приятелю в глаза. – Мне иногда кажется, что ты никакой не гей. Ну ладно. – Он снова двинулся вперед, делая попытку хоть немного ускорить шаг. – Рассказывай, чем занимался. Что-то тебя в последние дни не видно.

– Ага, решил сменить тему, – усмехнулся Слейтер, глядя прямо перед собой. Он скривился и почесал голову там, где из-под клетчатой кепки выбились короткие завитки черных волос. На тонком бледном лице дрогнули мускулы. – Как тебе сказать... Не хотелось бы заострять внимание на сомнительных подробностях... на изнанке жизни, но если перейти к делам более целомудренным, хотя и более печальным, – я целую неделю занимался тем, что пытался соблазнить милашку Диксона. Да ты его знаешь: у него божественные плечи.

– Что? – брезгливо поморщился Грэм. – Этот, с первого курса? Дылда с крашеными волосами? У него же мозгов нет.

– Ты так считаешь? – протянул Слейтер, описывая головой дугу, что могло быть истолковано и как согласие, и как отрицание. – Ну, не в мозгах счастье. Но эти плечи, боже мой! А талия, бедра! Его мозги меня не волнуют – зато от шеи и ниже ему нет равных.

– Совсем спятил, – отрезал Грэм.

– Беда вот в чем, – как ни в чем не бывало продолжал Слейтер, – то ли он не понимает, к чему я клоню, то ли не хочет понимать. К тому же возле него постоянно крутится этот противный Клод, его дружок... Сколько раз я этому типу говорил открытым текстом: ты урод, но до него не доходит. Вот у кого на самом деле мозгов нет. Я тут поинтересовался, как ему нравится Магритт, так он решил, что это телка с первого курса. Никак не удается оттеснить его от Роджера. Я не переживу, если он гей. В том смысле, что он у Роджера был первым. Роджер сам по себе не так уж и глуп – это от его дружка распространяется зараза.

– Ха-ха, – сказал Грэм. Ему всегда было неловко выслушивать гомосексуалистские излияния Слейтера, хотя тот редко называл вещи своими именами, да и Грэма эти пристрастия никак не касались. Насколько он мог судить, за все время ему на глаза попался лишь один (как предполагалось – из многих) возлюбленный его приятеля.

– Сейчас я тебе кое-что расскажу, – внезапно оживился Слейтер, когда они переходили Джон-стрит. – У меня блестящая идея.

Грэм едва не заскрипел зубами:

– Какая же на этот раз? Создать очередную религию? Или огрести кучу денег? Или и то и другое?

– Идея литературная.

– «Пески любви». Знаю, слышал.

– А что, классный был сюжет. Нет, теперь никакой романтики. – Они остановились на углу Грейз-Инн-роуд в ожидании зеленого света. На другой стороне точно так же остановились у светофора двое панков; они показывали пальцами на Слейтера и покатывались со смеху. Грэм закатил глаза и тяжело вздохнул.

– Так вот, представь, насколько позволит твое воображение, – заговорил Слейтер, театрально разводя руками, – что перед нами некая...

– Короче, – перебил Грэм.

Слейтер сделал обиженное лицо.

– Так вот: загнивающая технократическая империя, этакая Византия будущего, и там, в столице...

– Может, хватит научной фантастики?

– Ты ничего не понял, дурила, – не сдавался Слейтер. – Это... такая притча. А захочу – сделаю из нее детскую сказку. Ну, слушай дальше. В столице этой империи некий важный сановник крутит шашни с дочерью императора. И принцесса, и ее папаша-император тянут из него жилы, и в конце концов он отдает тайный приказ изготовить андроида, который мог бы подменять его на бесконечных церемониях и скучных приемах. Окружающие *ни о чем* не догадываются. Через какое-то время сей государственный муж добавляет андроиду чутков мозгов, чтобы можно было отправлять его на охоту, на конфиденциальные встречи, а также на заседания кабинета министров с участием самого императора, – и все это ради того, чтобы еще дольше нежиться в объятиях принцессы. В один прекрасный день, не выдержав накала любовной страсти, сановник умирает. Все его обязанности переходят к андроиду; император приближает его к себе, а принцесса обнаруживает, что в альковном искусстве он намного превосходит покойного хозяина. Андроид всюду поспевает, потому что не тратит времени на сон. Но у него начинает зарождаться совесть, и он во всем признается императору. Император с улыбкой выслушивает его исповедь, а потом открывает у себя на груди небольшой дисплей и произносит: «По странному стечению обстоятельств...» Конец цитаты. Неплохо, да? Как ты считаешь?

Грэм глубоко вздохнул и после некоторого раздумья изрек с самым серьезным видом:

– Значит, этим летчикам ничего не стоило обкорнать свои ботинки. А как же военная форма?

Слейтер остановился в гневной растерянности и с досадой переспросил:

– Ты о чем?

Тут Грэм заметил – и у него сразу засосало под ложечкой, – что они стоят прямо напротив того места, которое всегда внушало ему тревогу.

Это была просто-напросто багетная мастерская, где вдобавок продавались офорты, постеры и абажуры качеством несколько выше среднего, но ее название – «Стокс» – вызывало у Грэма неприятные ассоциации. От этого названия его пробирал озноб.

Сток – такую фамилию носил его соперник, чья фигура грозной тучей нависала, словно Немезида, над ним и Сэрой. Сток был байкером; этого мачо, затянутого в черную кожу, никогда не удавалось рассмотреть с близкого расстояния. (Грэм как-то заглянул в лондонский телефонный справочник, но там Стоков оказалось целых полтора столбца; в городе с населением в шесть с половиной миллионов возможны любые совпадения.)

Между тем Слейтер продолжал:

– ...с какого боку?

– Да просто к слову пришлось, – ответил Грэм.

Он уже пожалел, что подколот Слейтера.

– Я перед ним распинаюсь, а он ушами хлопает, – задохнулся от возмущения Слейтер.

Грэм кивком показал, что надо двигаться дальше:

– Никто ушами не хлопает.

Теперь у них на пути был фруктовый киоск Терри, откуда веяло ароматом свежей клубники, а дальше – аптека. Они дошли до развилки Кларкенуэлл-роуд и Роузбери-авеню. У корпусов Грейз-Инн-Билдингс, тянувшихся вдоль авеню, местами выдавались на тротуар зеленые фанерные щиты, за которыми велись ремонтные работы. Грэм и Слейтер едва протискивались между зеленой фанерой и щербатой кирпичной кладкой. Грэм смотрел на закопченные, битые оконные стекла; легкий ветерок шелестел выпцветшими политическими плакатами.

– По-твоему, это бред? – спросил Слейтер, пытаясь на шаг опередить Грэма, чтобы посмотреть ему в глаза.

Грэм избегал его взгляда. Он размышлял, увяжется ли Слейтер за ним или дойдет только до Эйр-Гэллери, куда частенько навещался после обеда. Грэм не собирался скрывать от Слейтера свои чувства к Сэре – в конце концов, именно Слейтер в свое время их познакомил, но сегодня ему не хотелось видеть рядом никого из посторонних. Кроме того, он сгорал со стыда: на Слейтера главели все прохожие, а тот и в ус не дул. Хоть бы снял эту идиотскую кепку, подумал Грэм.

– Да нет... все нормально, – примирительно ответил он, выбираясь из узкого прохода между обшарпанной стеной и зеленой фанерой. – Но вообще говоря, – его губы тронула улыбка, – тебе не всегда удастся попасть в очко.

– А тебе только и удастся, что моими фразами шпарить, салага!

– Ладно. – Грэм в упор посмотрел на Слейтера. – Вернемся к нашим бананам.

– Я тебе что, обезьяна?

– Да ведь это твоя фраза!

– Ну и ну, – протянул Слейтер. – Поразительно. От слова «паразит».

Он остановился у пешеходного перехода через Роузбери-авеню, прямо напротив квадратного кирпичного здания Эйр-Гэллери, и повернулся к Грэму:

– Короче, что скажешь насчет моего сюжета?

– Что я могу сказать? – медленно начал Грэм, твердо решив сказать хоть что-нибудь ободряющее. – Замысел неплохой, только надо его слегка доработать.

– Вот как? – Слейтер отступил на шаг назад и вытаращил глаза, а потом сделал шаг вперед, сощурился и приблизился почти вплотную к своему младшему приятелю, да так, что тот слегка отступил. – «Доработать»? Когда я стану знаменитым, Национальная портретная галерея закажет мой портрет, но тебе этого заказа не видать как своих ушей.

– Тебе туда? – Грэм указал на противоположную сторону улицы.

После мгновенного замешательства Слейтер все же кивнул, глядя на Эйр-Гэллери:

– Допустим. А ты, я вижу, спешишь от меня избавиться?

– Вовсе нет.

– Так я и поверил! Ты всю дорогу меня подгонял.

– Ничего подобного! – запротестовал Грэм. – Просто ты ходишь нога за ногу.

– Мы же с тобой беседовали.

– Ну и что? Я могу беседовать и на ходу.

– Скажи на милость! Один такой ловкий уже был – Джерри Форд! Да ты не тушуйся; поспорим, я знаю, куда ты направляешься?

– Неужели? – Грэм постарался напустить на себя беспечный вид.

– Точно, – подтвердил Слейтер. – Не притворяйся, будто тебя это не колышет. – По его лицу расплывалась улыбка, словно нефтяное пятно на поверхности воды. – Ты запал на нашу Сэру, правильно я говорю?

– Не то слово, – ответил Грэм, стараясь обратить все в шутку, однако понял, что Слейтер так просто не отстанет.

Но ведь его чувства не сводились к примитивной похоти – а если даже и сводились, то об этом не следовало говорить вслух; во всяком случае, Слейтер выбрал совершенно неподходящее время и место.

– Бабы того не стоят, мой мальчик, – с грустью в голосе произнес Слейтер и умудренно покачал головой. – Она тебя кинет. Не сейчас, так потом. Все они одинаковы.

Когда осуждение было выражено в открытую, Грэму стало легче; оно прозвучало как обыкновенный женоненавистнический выпад геев, возможно даже не вполне искренний, просто очередная маска Слейтера.

Грэм не удержался от смеха.

Слейтер пожал плечами и сказал:

– Ну, если у вас не сладится, знай: ты всегда можешь прийти ко мне. – Он потрепал Грэма по плечу. – Пригрею тебя на груди – у меня это неплохо получается.

– Только с одним условием, старик. – Грэм снова рассмеялся. – Если ты снимешь головной убор.

Слейтер прищурился и поглубже натянул клетчатую кепку.

– Ладно, мне пора, – заторопился Грэм.

– Катись, – вздохнул Слейтер и задумчиво добавил ему вдогонку: – Поступай как хочешь, я тебе не указ, но дядюшка Ричард знает, что говорит.

Он ухмыльнулся, послал Грэму воздушный поцелуй, помахал рукой и, пропустив транспорт, ступил на мостовую. Грэм помахал ему в ответ и пошел своей дорогой.

– Грэм! – услышал он вопль Слейтера с другой стороны улицы и с тяжелым вздохом обернулся.

Слейтер стоял у входа в галерею, перед большой витриной. Он засунул одну руку в карман куртки, и его галстук-бабочка вспыхнул яркими огнями: красные стекляшки оказались лампочками. Слейтер разразился хохотом, а Грэм покачал головой и двинулся дальше по Роузбери-авеню.

– Вспышка страсти! – заорал издаലെка Слейтер.

Грэм про себя посмеялся, но тут ему пришлось замедлить шаг, потому что прямо перед ним патлатый байкер в засаленных джинсах закатывал свой здоровенный «мото-газзи» с мостовой на тротуар, ко въезду в квартал Роузбери-Сквер. При виде парня, толкающего мотоцикл, Грэм сделался мрачнее тучи, однако тут же устыдился собственной глупости и покачал головой. Байкер ничем не напоминал Стока, к тому же мотоцикл был совершенно другой марки: Сток ездил на большом черном «БМВ», да и вообще, дурные предчувствия – это полная ерунда. Сток был уже в прошлом; утренний телефонный разговор с Сэрой окончательно укрепил Грэма в этом мнении.

Вздохнув полной грудью, он расправил плечи и перехватил черную папку другой рукой. Какое синее небо! Какой изумительный день! Все вокруг переполняло его радостным волнением, абсолютно все: солнечная июньская погода, запахи дешевой закусочной и выхлопных газов, щебет птиц, голоса прохожих. Да, сегодня его явно ждала удача, в такой день *ничто* не могло сорваться; прямо хоть иди к букмекеру и делай ставку на любую лошадь, раз так все складывается, так все здорово, все одно к одному.

Мистер Смит

Уволен!

Губы сжаты, кулаки стиснуты, глаза прищурены, спина прямая, живот втянут, грудь вперед – Стивен Граут шагнул прочь из дорожного управления, где только что получил расчет; он уходил все дальше от этих мерзких людишек и бессмысленной работы. Поравнявшись с легковым автомобилем, стоящим у тротуара, он остановился, набрал побольше воздуха – и продолжил путь. Не важно, какое название носит эта улица, – они только и ждут случая, чтобы ее переименовать. Мимо проносились пикапы и автобусы, фургоны и самосвалы, а он прикидывал, сколько еще идти до следующего припаркованного автомобиля, за которым можно переждать атаку.

Тротуар мостили не раз и не два, поэтому совсем не просто было передвигаться таким образом, чтобы при каждом шаге середина стопы попадала точно на стык между плитами, но он сосредоточился и приноровился, а вскоре на пути, там, где недавно меняли трубу, возникла длинная сизовато-серая полоса асфальта, и он направился прямо по ней, благо там не требовалось следить ни за какими плитами и стыками.

В результате обстрела из Микроволновой Пушки его то и дело прошибал липкий пот. Но мыслями он снова и снова возвращался к мучениям, которые претерпел в кабинете мистера Смита.

Конечно, он знал, что против него будет использована Микроволновая Пушка; это происходило всякий раз, когда он пытался постоять за себя, когда особенно нуждался в поддержке, когда шел устраиваться на работу или слышал простейшие вопросы социальных работников, а то и почтальонов. В такие минуты на него и наводили прицел. Случалось, его обстреливали даже в баре или у светофора, но чаще всего это происходило в присутственных местах. В кабинете мистера Смита он почувствовал знакомые симптомы.

Ладони вспотели, лоб покрылся испариной и нещадно зудел, все тело бил озноб, голос дрожал, сердце учащенно билось: его буквально поджаривали Микроволновой Пушкой, обрушивали смертоносные потоки радиации, перегрели тело до такой степени, что пот уже стекал ручьями по спине; он стал похож на перепуганного школяра.

Негодяи! Конечно, ему ни разу не удалось засечь эту Пушку; они были умны, столь же умны, сколь изворотливы. Раньше он кидался в соседние комнаты, бегал на лестничные площадки верхних и нижних этажей, высовывался из окна, чтобы увидеть зависший вертолет, – и все без толку, однако ему было доподлинно известно, что они где-то поблизости, и он прекрасно знал, что они затевают.

Так вот, его привели к начальнику Управления дорожно-ремонтной службы муниципального округа Айлингтон, на Севен-Систерс-роуд; едва не упираясь головой в потолок, он стоял посреди кабинета, расположенного на втором этаже, обливался потом и не понимал, почему они не могут просто взять и уволить его без лишних слов, почему он должен выслушивать, как его распекают, и от этого у него защипало в глазах, а в ноздри ударил запах собственного пота.

– ...все надеялись, что такое больше не повторится, Стив, – бубнил мистер Смит, не выходя из-за узкого письменного стола, – и вы сумеете упрочить свое положение в коллективе, установив рабочие отношения позитивного свойства с остальными членами дорожно-ремонтной бригады, которые, надо отдать им должное, и вы, я полагаю, не станете с этим спорить, сделали все от них зависящее, с тем чтобы... э-э-э...

Мистер Смит, мужчина лет сорока с пухлыми мешками под глазами, навис над завалами бумаг и разглядывал ручку-маркер, которую крутил в пальцах. Стивен, наблюдавший за траекторией маркера, на мгновение застыл как околдованный.

– Я искренне считаю... э-э... Стив – да, кстати, смело можете меня перебить, если захотите что-нибудь сказать, – у нас тут не Звездная палата. Я хочу, чтобы вы участвовали в этой беседе на равных, если у вас есть ощущение, что ваше активное участие поможет нам... э-э... найти...

Что-что? Он не ослышался? Какая еще Звездная палата? К чему бы это? Как это понимать? Название совершенно из другого времени, из других обстоятельств, из другой цивилизации, если угодно. Неужели мистер Смит – рыцарь Ордена Мучителей? Или еще выше рангом?

Боже! Эти злодеи со своей Пушкой снова тут как тут! Пот выступил на лбу и пропитал брови. Скоро струйка потечет по носу, и что тогда? Они решат, что он плачет! Невыносимо! Почему бы им попросту не вышвырнуть его за дверь? Вне сомнения, так и было задумано, все спланировано заранее, так зачем тянуть?

– ...найти выход из сложившегося тупикового положения, причем самым оптимальным путем, с тем чтобы способствовать повышению эффективности трудовой деятельности в подразделениях нашего управления. Думаю, вы согласитесь, что я не требую ничего сверхъестественного, Стив; мы привыкли считать, что рабочие с пониманием относятся...

Стивен стоял строго по стойке «смирно» в самом центре кабинета, правой рукой крепко прижимая к себе каску. Боковым зрением он видел Дэна Эштона – бригадира дорожников и профсоюзного деятеля. Эштон стоял у входа, привалившись к дверному косяку и сложив на груди мощные бронзовые ручки. В свои пятьдесят или около того он был самым старшим в их бригаде, но мог дать сто очков вперед любому из подчиненных; на его лице блуждала неприязненная ухмылка, кепка была сдвинута на затылок, а с нижней губы свисала замусоленная притушенная самокрутка. Граут чувствовал ее тошнотворный запах даже сквозь аромат одеколона «Арамис», распространяемый мистером Смитом.

Эштон не отличался дружелюбием. Как и все остальные, даже те немногие, кто не позволял себе прямого злопахательства, насмешек и дурацких приколов.

– ...с тем чтобы создать вам благоприятные условия, но ситуация, к сожалению, такова, что случившийся у канала инцидент с кошкой переполнил чашу терпения... э-э... Стив. Как сообщил мне присутствующий здесь мистер Эштон, – Смит кивком указал на бригадира, который поджал губы и кивнул в ответ, – мистер... э-э... – Смит порылся в бумагах, – да, вот, мистер Партридж попал в больницу, где врачи вынуждены были ввести ему противостолбнячную сыворотку и наложить швы вследствие того, что вы нанесли ему травму лопатой. Мы надеемся, он не станет требовать судебного разбирательства, однако вы должны отдавать себе отчет в том, что в противном случае вам будет предъявлено обвинение в нанесении телесных повреждений, а поскольку вы уже не раз получали выговор как в устной, так и в письменной форме, причем, должен подчеркнуть, Стив, – мистер Смит откинулся на спинку стула и, тяжело вздыхая, еще раз порылся в бумагах, – все это произошло за весьма короткий промежуток времени, в течение которого вы работаете в нашем управлении, поэтому, учитывая ваши предыдущие проступки...

Партридж! Надо было сразу снести ему башку лопатой. Ведь какими словами он обзывался! «Дебил» – подумать только! «Псих» – надо же! «Придурок» – каково? Этот жирный, наглый кокни, грубиян, весь изрисованный вульгарными татуировками; вот кого нужно было сбросить в канал!

Капля пота уже приготовилась скатиться со лба, чтобы повиснуть на кончике носа. Там она будет дрожать у всех на виду, пока он не расчихается; или же придется ее смахнуть, и этот жест также привлечет всеобщее внимание. Но вытереть лоб тоже нельзя – это признак малодушия. Не дождутся! Пусть видят его гордое презрение! Им его не сломить, никакими силами! Он не доставит им такого удовольствия.

– ...уверяли, что сделали это не нарочно; однако ваша версия происхождения, Стив, существенно отличается от показаний других членов бригады, которые утверждают, что вы, как это

ни прискорбно, всерьез вознамерились засыпать канал асфальтом, который был доставлен для ремонта дорожного покрытия на Коулбрук... э-э-э... Коулбрук-роу. Что же касается кошки, принадлежавшей миссис Морган, нам остается лишь...

Надо же, они толкуют ему о кошках! Он, один из самых выдающихся стратегов за всю историю мироздания, вынужден слушать про каких-то паршивых кошек! О, верно говорится: «Как пали сильные»!

Сквозь левую бровь просочилась капля пота. Но не повисла на кончике носа, а затекла прямо в глаз. Лавиной нахлынула страшная, гневная, бессильная ярость, желание драться, рычать, орать. Но он не мог себе этого позволить; необходимо было сохранять выдержку, невзирая на залпы Микроволновой Пушки; в запасе оставалась только дерзость, да и то под вопросом. Самообладание – вот что самое важное.

– ...значит, вы больше ничего не хотите добавить? – спросил мистер Смит и умолк. Граут затаил дыхание: как это понимать – от него ждут каких-то слов? Почему люди не могут выражаться ясно? И вообще, кому это нужно? Скорей бы конец.

– Я пошутил, – услышал он свой голос.

Само вырвалось! Но это была чистая правда. Вот они и выдали свою глупость – или трусость? Восприняли ту историю всерьез. Больно нужно ему засыпать этот чертов канал! Горбатиться пришлось бы целый день, да к тому же асфальта завезли с гулькиным нос. Это была просто горькая шутка, потому что остальные рабочие, и Эштон в том числе, не желали слушать, когда он пытался растолковать, как нужно заделывать выбоины. Но они еще об этом пожалеют; на Аппер-стрит, где они работали в утреннюю смену, выбоины очень скоро появятся вновь, и тогда станет ясно, кто был прав!

Конечно, он понимал, что поучать их бесполезно, но временами просто не мог удержаться. Волей-неволей приходилось указывать людям на их заблуждения.

Невмогуту видеть вокруг себя глупость и молча это терпеть. Так недолго и рассудок потерять, оказаться там, куда его хотят упрятать и где будет еще труднее отыскать Ключ – то бишь в дурдоме, в психушке, где человека накачивают всякой дрянью, от которой тупеешь и становишься таким, как все остальные. В том-то и состоит их замысел: предоставить ему искать выход, но в одиночку. Пустись он на розыски себе подобных, других Воинов, – и это сразу будет использовано как предлог, чтобы упечь его куда следует. Дьявольский расчет.

– ...оправдания вашим действиям, Стив. Давайте говорить начистоту: и миссис Морган, и ее кошке по большому счету все равно, – сказал мистер Смит и с едва заметной ухмылкой посмотрел на Дэна Эштона, который только фыркнул и уставился в пол; но Смит, оказывается, еще не закончил, – ... говорили вы в шутку или всерьез.

Вот и другая бровь пропустила каплю пота, которая точно так же затекла Грауту под ресницы. Он почти ослеп и отчаянно заморгал, страдая от рези в глазах. Невыносимо!

– ...отпечатать последний выговор в приказе, но, честно говоря, Стив, никак не желая вас оскорбить, я тем не менее настоятельно рекомендую вам пересмотреть свое поведение, с тем чтобы...

– Хватит! – хрипло выкрикнул Стивен; он затряс головой, зашмыгал носом и при этом беспрестанно моргал. – Я презираю все... всех... вот! Увольняюсь! Не доставлю вам такого удовольствия! Я ухожу; увольняюсь; беру расчет! Это не вы так решили, а я! Не надейтесь, что дам слабинку; вы меня еще не знаете! – У него задрожали губы; потребовалось немалое усилие, чтобы с этим совладать. Мистер Смит со вздохом облокотился на стол.

– Право, Стив... – устало начал он.

– Я вам не «Правостив»! – заорал Граут, весь дрожа. – Потрудитесь говорить мне «мистер Граут»! Больше я вам не подчиняюсь; отдайте мои документы! Требую документы! Где мои документы? – Он сделал шаг к столу мистера Смита. Смит отпрянул назад в крайнем изумлении. Граут перехватил его взгляд, адресованный Дэну Эштону, и ему показалось, что тот

кивком подал какой-то сигнал или условный знак мистеру Смигу. Разумеется, бригадир уже отлепился от дверного косяка; он выпрямился и опустил руки. Видно, решил, что Граут собирается применить силу к мистеру Смигу; очень хорошо, пусть трепещут! Он им еще покажет! Они ему не страшны.

– Мне представляется, вы поступаете необдуманно, – сделал еще одну попытку мистер Смит, но Стивен снова его перебил:

– Кажется, я потребовал свои документы. Будьте любезны! Без документов не уйду. И деньги. Где мои деньги? Я свои права знаю!

– Стив, ваши чувства вполне понятны, однако... – заговорил мистер Смит, слегка отодвигаясь от стола. У него на лацкане блеснул скромный значок социал-демократической партии.

– Довольно! – вскричал Стивен.

Он сделал еще один шаг и притворился, будто собирается стукнуть кулаком по столу мистера Смита. Каска, которую он прижимал правым локтем, грохнулась на пол и покатила вперед. Стивен нагнулся за ней, но, выпрямляясь, больно стукнулся затылком о край стола. Он быстро потерял голову и залился краской. Будь проклята эта Пушка!

Мистер Смит вскочил со стула. Дэн Эштон рванулся к столу и зашептал что-то на ухо начальнику. Граут в бессильной ярости наблюдал за обоими, потирая ушибленную голову. Он видел их насквозь!

– Что ж поделаешь, – с видом мученика произнес мистер Смит, глядя на Граута, – если вы так решили, Стив...

Дэн Эштон расплылся в ехидной усмешке.

И все-таки им не удалось одержать верх. Он лишил их удовольствия огласить приказ об увольнении; он облил их презрением... он их помучил!

Его переполняла неистовая радость; он даже не слышал, что говорили Эштон и Смит. Ему сунули какие-то документы, кто-то отправился к кассиру за деньгами (сейчас они приятно оттопыривали задний карман; Стивен то и дело поглаживал его на ходу, желая убедиться, что заветная пачка на месте), и, наконец, он расписался в каких-то бумажках. Сперва он отказывался подписывать что бы то ни было, но ему пригрозили, что иначе не выдадут деньги; прежде чем поставить свою подпись, пришлось притвориться, что он внимательно изучает каждую строчку.

Потом Эштон порывался его проводить и даже хотел пожать ему руку, но Стивен смачно плюнул на пол и сделал оскорбительный жест.

– Вот скотина, – бросил Эштон в своей обычной манере. Стивен не остался в долгу: обозвал его грубияном и невеждой, торопливо рассовал документы по карманам и удалился.

– Эй, ты! – донесся издали голос Эштона, когда Стивен уже вышагивал по Севен-Систерс-роуд с гордо поднятой головой. – Форму «пэ сорок пять» обронил!

Во всяком случае, Стивену так послышалось. Возможно, номер был не совсем такой, но что-то в этом духе. Оглянувшись, он увидел, как Эштон, стоя у проходной, размахивает какой-то бумажкой. Граут отвернулся, расправил плечи, вздернул подбородок и как ни в чем не бывало продолжил путь.

Эштон припустил за ним; Стивен, заслышав сзади топот, перешел на бег, не оборачиваясь на вопли бригадира, и очень скоро сумел уйти от погони. Напоследок Эштон выкрикнул очередное оскорбление, однако Стивен был уже далеко; он тяжело дышал, но его переполняло ликование. Он от них сбежал. Это был еще не настоящий побег, а просто своего рода репетиция, но для начала неплохо.

Итак, он шагал по улице, все еще взвинченный, но довольный тем, что вырвался, не дал себя перемолоть, унижить, довести до отчаяния.

Его голыми руками не возьмешь! Они опутали его страхом и глупостью, коих в избытке у так называемого рода человеческого, думали поставить на колени, растоптать самолюбие, но он не дался! Они пытались его извести, но не тут-то было; он все равно отыщет Ключ, он найдет Выход и сбежит из этой... нелепости, из этой кошмарной одиночной камеры для Героев; он опередит их всех и снова займет свое достойное место за пределами этой убогой реальности.

Он Пал, но он Восстанет.

Где-то шла война. Он точно не знал, где именно. Не то чтобы в конкретном месте, куда можно добраться из двадцатого века, из Лондона, с планеты Земля, а просто в некоем месте, в некое время. Это была последняя война, решающая схватка между Добром и Злом, и в этой войне он играл первостепенную роль. Но произошел сбой, его предали, он проиграл битву с силами хаоса и был катапультирован с настоящего поля боя, чтобы прозябать здесь, в этой выгребной яме, которая у них звалась словом «жизнь».

Отчасти это было карой, отчасти – испытанием. Если бы его поражение было окончательным и бесповоротным, его бы заслали еще дальше. Они бы дорого заплатили, чтобы лишить его надежды на спасение, – истинные заправила этого жалкого балагана, Мучители.

Казалось, они сами напрашиваются на разоблачение, сами добиваются, чтобы он встал и в полный голос заявил: «Хватит, я вас рассекретил, бросьте притворяться. Выходите из своих укрытий, давайте покончим с этим раз и навсегда». Но он не так-то прост. Ему преподали урок еще в школьные годы, когда над ним измывались все кому не лень, – и его же направили к детскому психиатру. Больше такое не повторится.

Ему пришло в голову, что в психушках страны – а то и всего мира – наверняка томится немало падших Воинов, которые не смогли существовать в этой душегубке или же просчитались, решив, что назначенное им испытание в том и состоит, чтобы разгадать грязную игру и бесстрашно заявить о ней в полный голос.

Нет, ему не по пути с этими бедолагами. Он тоже разгадает грязную игру, но при этом найдет Выход. Скорее всего, дело не ограничится простым побегом: скорее всего, он попутно разнесет в клочья всю их презренную машину подавления, весь репрессивно-пыточный аппарат, всю так называемую «жизнь».

Тут силы начали его покидать. А ведь нужно было сделать по меньшей мере с десятков шагов до ближайшего припаркованного автомобиля, чтобы укрыться за ним от лазерных лучей, направленных с проезжей части.

У всех до единого видов транспорта, у любой несущейся мимо машины в осях колес работали лазеры; от их лучей можно было уберечься несколькими способами: залезть куда-нибудь повыше, спрятаться за стеной, укрыться за неподвижным автомобилем, встав между передними и задними колесами, или задержать дыхание. Он прекрасно понимал, что луч лазера не причиняет боли, невидим и сам по себе безвреден, но они – Мучители – использовали даже это средство, чтобы изменить счет в свою пользу. Во-первых, ему это открылось во сне; во-вторых, он все просчитал. В детстве он занимался тем же самым, но понарошку – просто для интереса, чтобы иметь какую-то цель... потом несколько раз увидел то же самое во сне и понял, что это взаправду, что на него снизошло озарение – потому, собственно, он и начал эту игру. Теперь он по-другому уже не мог; его охватывал неизбывный ужас при любой попытке прервать игру – хотя бы для того, чтобы посмотреть, что получится, если дышать «обыкновенно». Похожее чувство он испытывал и от другой игры, тоже запомнившейся из раннего детства: закрываешь глаза и делаешь определенное количество шагов, скажем, по широкой аллее парка. Перед тем как зажмуриться, можно было сколько угодно внушать себе, что впереди полно места, что с этой аллеи никуда не деться, что под ногами асфальт, а не трава, – все равно с закрытыми глазами ему никогда не удавалось сделать более двадцати шагов. Он твердо знал, ни минуты не сомневался, что наткнется на дерево, на фонарный столб или рекламную тумбу, которых

почему-то раньше не замечал; а то еще возникало явственное ощущение, что за деревом кто-то прячется и только ждет удобного момента, чтобы выскочить и расквасить ему нос.

Нет уж, лучше смотреть во все глаза; надо доверять своей интуиции и набирать полные легкие воздуха под прикрытием неподвижных автомобилей. Лучше перестраховаться.

Под прикрытием автомобиля можно было дать себе отдых. Сняв с головы каску, он вытер лоб, но сперва удостоверился, что над ним нет строительных лесов. Защитная каска тоже была его личным открытием, причем весьма удачным. Не секрет, что у человека голова – самое уязвимое место, а его собственная голова к тому же представляла особую ценность. Он знал: они только и ждут повода, чтобы подстроить «несчастный случай», уронить ему на голову с крыши – а для пущей достоверности со строительных лесов – кирпич или гаечный ключ. Перед выходом из дому он обязательно надевал каску. Где бы он ни работал, чем бы ни занимался, на голове всегда была каска. В бригаде над ним потешались – спрашивали, кем он себя вообразил. Мол, только инженеры для форсу ходят в касках, а работяге это без надобности. Или, мол, он опасается, что ему на темечко голубь нагадит? Или, мол, чердак поехал, а? Ха-ха-ха. Ну и пусть себе насмешничают. Никто не заставит его снять каску. У него в комнате хранились еще две запасные на случай потери или кражи. В жизни всякое бывает.

Теперь можно было идти дальше, осторожно ступая по стыкам между плитами. Да, осторожные, размеренные шаги – вот что самое главное. Кстати, полезно и для дыхания, и для сердечного ритма. Иногда на него начинали глазеть прохожие, особенно если приходилось перепрыгивать с одного стыка на другой, а потом семенить крошечными шажками, багровея от недостатка воздуха и обливаясь потом под каской, хотя вблизи не было ни одной стройки. Ну и пусть, ему-то что? А вот они еще горько пожалеют.

По дороге он планировал, как проведет этот день, как распорядится вновь обретенной свободой. У него образовалась куча денег; можно пойти напиться... близились время открытия пабов. Потом пришла мысль отправиться в Центр занятости населения; пусть инспектор знает, что он снова оказался не у дел. Он никак не мог запомнить, что нужно сделать, чтобы тебя поставили на учет как безработного. Совершенно очевидно, что вся система трудоустройства и социального обеспечения была задумана таким образом, чтобы сбить его с толку, вывести из равновесия и полностью деморализовать. Он все порывался составить план необходимых действий: заполнить такие-то бланки, зайти в такие-то кабинеты, побеседовать с такими-то специалистами – но каждый раз забывал. Впрочем, ему всегда казалось, что больше это не понадобится, что теперь-то он найдет приличную работу, добьется успехов и будет оценен по достоинству, что окружающие его полюбят, а Мучители отстанут и не нужно будет вновь проходить через опасную, изнурительную процедуру регистрации в Центре занятости. Он прикинул, что надо бы вернуться в пансион миссис Шорт – взять бумагу и ручку.

Решено: он зайдет к себе в комнату. Там спокойнее. Тем более нужно принять душ, смыть с себя пот и липкую грязь, оттереть руки и лицо от пыли и гари. У миссис Шорт он это и проделает. Зарядится энергией от книг, от своей постели, от разных милых сердцу безделушек. Кстати, можно будет еще разок взглянуть на Вещественные Доказательства, это тоже не повредит. Можно также выбрать одну из книжек и начать перечитывать.

Книг у него было великое множество. В основном научная фантастика и фэнтези. Он уже давно догадался, что произведения этих жанров могут вполне реально помочь в поисках Выхода, а также подсказать, где находится Ключ и как он выглядит. Сомневаться в этом не было никаких оснований: неведомая сила влекла его именно к такой литературе.

Подсказка может оказаться совсем пустяковой, наверняка они сочтут, что ничем она для них не чревата; но ему тем не менее она пригодится. Очевидно, их расчет состоял в следующем: выдав такую малость, они дождутся, чтобы он их рассекретил, и тем самым получают повод упрятать его в дурдом. «Ха! – воскликнут они. – Сумасшедший. Начитался фантастики.

Спятил! Давайте-ка упечем его в лечебницу, накачаем пилюлями и изолируем навсегда». Вот ведь как у них работает мысль.

Это открытие, по их замыслу, должно было бы его обескуражить, но они просчитались. Он запасся самыми «неправдоподобными» произведениями научной фантастики, которые только мог откопать в магазинах и приобрести на свою зарплату; согласно правилам игры, в одной из этих книг они, скорее всего, и зашифровали подсказку. Настанет день, когда он откроет книгу – какую-нибудь новую трилогию о колдунах и рыцарях – и прочтет там нечто такое, что высвободит знания, хранящиеся у него в мозгу. Навести на мысль может что угодно: имя персонажа (одно подходящее, со смутно знакомым звучанием, уже удалось найти; он отвел ему место среди Вещественных Доказательств), описание местности, цепь событий... Единственное, что требовалось, – это Ключ.

Эскапизм – вот как они это называют. Да, в изошренности им не откажешь!

У него в комнате все свободное пространство занимали книги: толстые, с обтрепанными уголками страниц, с переломанными корешками и аляповатыми рисунками на бумажных обложках. Из-за отсутствия полок они копились стопками прямо на полу. В результате комната превратилась в настоящий лабиринт; на лысом ковре и дырявом линолеуме выросли целые книжные стены с башнями, меж которых оставались лишь узкие проходы. Ему не составляло труда проделать путь от кровати до окна и стола, подойти к комоду, добраться до камина и раковины, но к каждому из этих объектов вел особый маршрут. Сложнее всего было застилать постель. Ящики комода в принципе выдвигались, но с великими предосторожностями. Однако настоящие мучения начинались тогда, когда он возвращался домой в подпитии и не сразу мог нащупать выключатель; наутро, продрав глаза, он видел перед собой пейзаж, напоминающий Манхэттен после разрушительного землетрясения. В мягкой обложке.

Но игра стоила свеч. Он не мог обходиться без этих двух путей к спасению – без алкоголя, ибо он давал мимолетное ощущение сродни побегу от этой зловонной жизни... и без книг, потому что они успокаивали и вселяли надежду. В книгах можно затеряться, но в них же можно найти Ключ.

Машина, к которой он направлялся, чтобы отдышаться, внезапно отъехала от тротуара. Стивен молча выругался и поневоле взобрался на невысокий парапет, расположенный выше уровня лазерных осей; там он провентилировал легкие, потом слез с парапета и побрел дальше.

Они еще его попомнят. Все изверги, обидчики, насмешники и гонители. Некоторые имена уже выветрились у него из памяти. Дайте срок – как только он найдет Ключ, он им всем покажет. В первую очередь всяким там мистеру Смиту, Дэну Эштону и Партриджу. Обнаружив Выход, он не будет спешить им воспользоваться; сперва он разыщет всех и каждого и со всеми разберется. Они за все заплатят.

Даже шуток не понимают. Зачерпнешь лопату асфальта, бросишь в канал – а они в крик. Разве он виноват, что наступил на кошку? Понятно, что животных бить нельзя, но ведь он был страшно зол. А тут еще этот Партридж полез к нему с кулаками, а потом заявил, что хотел только его «скрутить». Партридж тоже был страшно зол, а потом и вовсе взбесился, когда у него из кармана во время потасовки со Стивеном выпал какой-то журнальчик; рабочие его подобрали – оказалось, порнография, сплошные шлепки по голым задницам; тут даже молчуны и тихони стали над Партриджем прикалываться; Партридж хотел было повалить Стивена на землю, но Стивен вырвался и огрел его лопатой, которая была вся в крови, потому как он только что изрубил на куски кошку; тогда рабочие начали выхватывать друг у друга журнал и, конечно, порвали, а Партридж корчился в полуобморочном состоянии, весь извозился в кошачьей крови и чуть было не рухнул в канал; тут Дэн Эштон и рассудил, что, дескать, хорошенького понемножку, пошли-ка к начальству, сколько ж можно, работа стоит.

Мрачная вышла история, но чем больше он о ней размышлял, тем сильнее укреплялся в мысли, что увольнение из дорожной службы обернулось не трагедией, а, совсем наоборот,

удачей: это был реальный шаг вперед. Работа оказалась незавидной. Он-то сперва возомнил – исключительно по названию, – будто эта служба связана с разъездами, а оказалось – ничего подобного.

Неприменно нужно будет зайти в паб, только попозже, решил он. Такое дело надо отметить. Тем более что есть еще одна причина, напомнил он себе. Конечно, не такая серьезная, тут и отмечать-то особо нечего, но как-никак сегодня, 28 июня, у него день рождения.

Он остановился – разумеется, под прикрытием автомобиля – и посмотрел на свое отражение в какой-то витрине. Высокий, худой. Голова давно не мыта, темные жидкие волосы не стрижены. Из-под красной каски выбиваются неопрятные патлы. Брюки малость коротковаты, из-под них выглядывают фиолетовые безразмерные носки и заляпанные варом ботинки. Пестрая рубашка с узорами и линялый пуловер из магазина «Маркс-энд-Спенсер» вместо пиджака. Свои руки Стивен не видел, но знал, что под ногтями скопился чернозем. Неплохая маскировка, с удовлетворением отметил он. Пока идет последняя война, Великие Воины, оказавшиеся в изгнании, предпочитают оставаться незаметными. Они ищут Выход.

За стеклом витрины молоденькая продавщица натягивала на манекены нарядное белье. Она нахмурилась и подозрительно покосилась на Стивена. К счастью, он ее вовремя заметил. Ему в глаза бросились полуголые фигуры, и он заторопился покинуть спасительное укрытие, едва успев набрать в легкие побольше воздуха.

– С днем рождения, – сказал он себе, но сразу спохватился и, опасливо прикрыв рот ладонью, огляделся вокруг. Разве можно такое произносить вслух?

Одномерные шахматы

Квисс сделал остановку у последнего поворота винтовой лестницы. При том что он был широк в плечах, крепко сложен и с виду мускулист, его мучили старческие недуги и постоянный озноб. Ему требовалось отдышаться; в промозглом воздухе замка изо рта поднимался пар. На лестнице, ведущей в башню, было темно; только сверху, из маленького открытого окошка за поворотом, проникал слабый свет. Выдыхаемые Квиссом облачка пара сначала вырисовывались в сумеречном пространстве, а затем, увлекаемые сквозняком, медленно исчезали в вышине. Хотелось бы знать, подумал он, успела ли Аджайи завершить игру.

Вряд ли. Наверняка до сих пор копаются. С тяжелым вздохом он снова двинулся вверх, перехватывая руками толстый промерзший канат, закрепленный с внешней стороны лестницы. Замок пошел на уступку, когда они попросили установить хоть какое-то подобие перил – ступеньки то и дело обрастали льдом.

Аджайи – огромная, с ног до головы закутанная в шкуры, словно старая медведица, – все еще сидела в игровом зале; примостившись на убогом табурете, который полностью скрывали ее меховые и полотняные покровы, она сгорбилась над маленьким столиком на четырех ножках. Квисс, запыхавшись, добрался до верха лестницы, потом прошел через весь полутемный зал, но Аджайи даже не шелохнулась. Можно было подумать, она заметила его лишь тогда, когда он приблизился к своему месту и остановился напротив нее у того же столика, в центре которого лучился красный кристалл. Аджайи улыбнулась и кивнула – то ли приветствуя вошедшего старика, то ли разглядывая извилистую дорожку черно-белых клеток, которая, казалось, висела в воздухе над столешницей.

Эта узкая лента перемежающихся черных и белых полей, похожих на отдельные квадратики тени и тумана, тянулась над столом, плыла дальше, над разбитыми сланцевыми плитами, мимо ржавых чугунных столбов и в конце концов исчезала в противоположных стенах игрового зала. Клетчатая полоска слегка мерцала и, совершенно очевидно, не представляла собой ничего материального; но при том что это была всего-навсего проекция, на ее поверхности удерживались вполне осязаемые, с виду настоящие шахматные фигуры из черного и белого дерева, подобные сторожевым башенкам, расставленным поодиночке на размеченной пограничной полосе.

Аджайи медленно подняла глаза на своего партнера, и ее старческое морщинистое лицо постепенно исказилось кривой улыбкой. Квисс смотрел на нее сверху вниз. Что-то есть в ней от рептилии, подумал он. Не иначе как на холоде у нее замедляются движения. Да ладно, мне своих забот хватает.

– Ну? – произнесла старуха.

– Что «ну»? – После подъема по лестнице на самый верхний этаж замка Квисс еще не справился с одышкой.

Неужто она *ему* задает вопросы? Это ее нужно кое о чем спросить! Почему она до сих пор не закончила партию? Почему сидит без толку, уставившись на шахматную полосу?

– Что они сказали? – терпеливо пояснила Аджайи со слабой улыбкой.

– А, вот ты о чем. – Квисс досадливо тряхнул бородой, словно такие пустяки и обсуждать не стоило. – Обещали подумать. Тогда я пригрозил, что растерзаю еще кого-нибудь из челяди, если нам наверху не обеспечат тепло и свет; тут они, обычным манером, начали нести околесицу; да что там говорить, они об этом уже забыли – как всегда.

– Выходит, самого сенешаля ты не видел? – разочарованно спросила Аджайи и погрузилась в размышления.

– Нет. Он будто бы занят. Видел только этих уродцев.

Квисс не без труда опустился на узкий стул, зябко кутаясь в шкуры. Он обреченно смотрел на яркую полоску, которая парила в холодном воздухе над игровым столом. В центре изящной резной столешницы теплым сиянием светился драгоценный кристалл цвета крови.

Указав на одну из деревянных фигур, на черного ферзя, Аджайи произнесла:

– Больно ты суров. Угрозами ничего не добьешься. Между прочим, здесь шах и мат.

– Много ты понимаешь... – начал было Квисс, но вздрогнул, когда до него дошел смысл ее слов.

Он впился тяжелым взглядом в клетчатую черно-белую ленту, висящую в воздухе прямо перед ним:

– Как это?

– Шах и мат, – подтвердила Аджайи надтреснутым старческим голосом. – Если не ошибаюсь.

– Где? – негодуя спросил Квисс и заерзал на стуле, изобразив на лице досаду, смешанную с облегчением. – Здесь только шах; еще можно уйти из-под удара. Вот так. – Он резко вытянул руку и сделал ход белым слоном, поставив его на одну черную клетку дальше, перед своим королем. Аджайи улыбнулась и покачала головой; она приложила пальцы к самому краю поблескивающей эфемерной полосы, будто нащупывала в воздухе невидимый предмет. На поверхности призрачной ленточной доски, словно явившись из темной бездны, возник черный конь. Квисс набрал полную грудь воздуха, собираясь запротестовать, но смолчал.

– Прости, так уж вышло, – сказала Аджайи. – Вот теперь действительно мат.

Она произнесла эти слова совсем тихо, но тут же пожалела, что вообще заговорила. Ей стало совестно, однако Квисс был так поглощен гневным созерцанием доски, что ничего не слышал, в напрасной надежде он крутил головой то вправо, то влево, но не находил ни одной нужной фигуры.

Слегка отодвинувшись назад, Аджайи смогла размяться. Она сделала несколько круговых движений руками, прогнула спину, а сама между тем думала, так ли уж было необходимо – вернее, уместно – наделять их с Квиссом столь дряхлыми телами. Вероятно, смысл заключался в том, чтобы все время напоминать им о быстротечности времени, о смертности всего живого. Если так, то подобная мера выглядела излишне жестокой – даже при том, что они находились в этом странном, ни на что не похожем месте, да к тому же пребывали в странном оцепенении (коль скоро замок был насквозь заморожен, то промерзли и они; коль скоро замок постепенно разрушался, а они оставались все в том же состоянии, то их будущность и надежды тоже неотвратно рушились). С трудом поднявшись из-за стола на негнущихся ногах и бросив последний взгляд на скорбную фигуру старика, который все еще искал выход из этого безнадежного положения, Аджайи прихрамывая прошла по исцарапанному стеклянному полу и оказалась на светлой, продуваемой ветром галерее.

Она бессильно оперлась на квадратную в сечении колонну посредине аркады, отделяющей зал от галереи, и вгляделась в заснеженную даль.

Ничем не нарушаемая белизна простиралась до самого горизонта, и только едва уловимые тени придавали хоть какое-то разнообразие мертвенно-голой равнине. С правой стороны – Аджайи это доподлинно знала – можно было перегнуться через перила (впрочем, она этого не делала, так как побаивалась высоты), чтобы увидеть каменоломни, а за ними – покрытую снегами гряду невысоких безлесых холмов. Но она не стала себя утруждать. У нее не было особого желания разглядывать холмы и каменоломни.

– Э-э-эх! – взревел позади нее Квисс, и она обернулась как раз в тот миг, когда он в яростном бессилии махнул рукой над поверхностью узкой призрачной доски.

Шахматные фигуры так и разлетелись во все стороны; они исчезали из виду, как только падали ниже уровня, на котором прежде стояли, словно их уничтожал какой-то невидимый луч. Исключение составила только пара королей – они улетучились, даже не успев свалиться

с доски. Сама доска померцала секунду-другую и начала медленно угасать, пока не пропала совсем, а Квисс так и остался сидеть, с тоской уставившись на деревянный столик. Слабое свечение кристалла в середине затейливой резной столешницы постепенно тускнело и наконец тоже погасло.

Аджайи подняла брови, ожидая, что он посмотрит в ее сторону, но этого не произошло. Он так и сидел – сгорбив спину, опершись локтем о колено и подпирая ладонью заросший подбородок.

– Все эти проклятые кони, будь они неладны, – прошипел он через несколько минут, сверля глазами пустой стол.

– Что ж поделаешь, – сказала Аджайи и ушла с открытой галереи, потому что налетевший ветер закружил маленькие снежные вихри вокруг ее ног, обутых в тяжелые башмаки, – зато игра окончена.

– Я надеялся, будет пат. – Можно было подумать, Квисс обращается не к противнице, а к столу. – Мы же договорились.

– Так быстрее.

Аджайи присела на табурет. Проникший сверху луч робко заиграл на резной столешнице, над которой все с тем же горестным видом сидел Квисс. В полумраке Аджайи не спускала глаз со своего компаньона. У него было широкоскулое лицо, заросшее густой бородой, в которой перепутались черные и белые пряди. От маленьких желтых глазок расходилась сетка глубоких морщин, будто рябь на поверхности стоячей воды. Он так и не посмотрел в ее сторону; она с этим смирилась и обвела взглядом просторное помещение.

Зал, погруженный во тьму, был почти квадратным; его украшало множество колонн. Если сюда и проникал какой-то свет, то в основном через аркаду галереи. По замыслу освещение должно было поступать и сверху, и снизу, но на самом деле его, можно сказать, не было и в помине; именно это обстоятельство – а также то, что здесь было гораздо холоднее, чем положено, – и заставило Квисса примерно час назад отправиться на поиски хоть кого-нибудь из челяди. Заранее было условлено, что он вежливо попросит добавить тепла на их этаже, однако с его слов Аджайи поняла, что он не сумел воздержаться от своих обычных грубостей и угроз. Спустись туда она сама – было бы намного больше проку, но у нее опять негнулось больное колено, и она боялась ходить по лестнице.

Она подняла взгляд к потолку, где причудливая колонна – как и все остальное множество таких же опор – раструбом перетекала в гладкое, толстое, бледно-зеленое стекло. Вверху, в холодной мутноватой воде, извивался один-единственный продолговатый контур, источающий молочно-белое свечение.

Такова была одна из бесчисленных диких замка: источниками света служили разнообразные рыбы-люминофоры.

– Где звонок? – неожиданно встрепнулся Квисс, оглядев зал.

Он оторвался от стула со всей быстротой, которую позволяли тяжелые шкуры и больные суставы, пинками отшвырнул несколько книг и сланцевых плиток, расчищая себе путь на стеклянном полу, и принялся изучать ближайший столб, в паре метров от игрового столика.

– Опять куда-то перенесли, – бормотал он, переходя к следующим столбам и колоннам; подошвы его башмаков царапали стеклянные плиты пола. – Ага! – Он уже почти затерялся в глубине зала, возле узкой винтовой лестницы, по которой совсем недавно поднялся наверх.

До слуха Аджайи донеслось отдаленное звяканье – это Квисс дергал цепочку звонка.

Аджайи наклонилась за обломком, отвалившимся от стоящей сзади колонны. Она pokrутила его так и этак, надеясь разобрать витиеватые письма, выцарапанные на черной с прозеленью поверхности; без видимой причины она задалась вопросом, от какой именно части колонны отвалилась такая табличка. Размышляя об этих материях, Аджайи потирала поясницу: наклон не прошел бесследно.

Между тем Квисс вернулся к игровому столику от другого стола, тоже небольшого, только повыше; на нем в мелком жестяном тазу под протекающим краном громоздились невымытые чашки и надтреснутые стаканы. Кран был присоединен к изогнутой трубе, которая торчала из стены, возведенной – так могло показаться – из плотно спрессованной бумаги. Набрав стакан воды, Квисс осушил его залпом.

Потом он вернулся, сел на свой стул с высокой спинкой и встретился взглядом с Аджайи, которая опустила на игровой стол заинтересовавшую ее табличку.

– Не иначе как эта дурацкая безделушка снова испорчена, – проворчал он.

Аджайи только пожала плечами и поплотнее закуталась в шкуры. В балконный проем с жалобным стоном врывался ветер.

Замок, находившийся в их распоряжении, имел два имени. В стане Квисса он звался Замок Дверей, а в стане Аджайи – Замок Наследия. Едва ли в одном или в другом названии содержался какой-то смысл. Насколько им было известно, кроме замка, здесь ничего не существовало – а «здесь» могло означать что угодно. Все остальное приходилось на долю бескрайней снежной белизны.

Они провели в нем... сами не ведали, какой срок. Квисс оказался здесь первым и очень скоро понял, что в замке не бывает ни дня ни ночи, а за окнами навсегда застыл унылый нескончаемый свет; тогда он начал вести собственный счет времени, отмечая, сколько раз отходил ко сну. Эти метки он процарапывал на полу крошечной кельи, которая располагалась неподалеку от игрового зала и служила ему спальней. Теперь на стеклянном полу насчитывалось почти пять сотен таких насечек.

Когда прибыла Аджайи, которую, по всей видимости, высадили на одной из плоских крыш, среди обломков камня, на счету Квисса было уже восемьдесят семь насечек. В тот же «день» они столкнулись лицом к лицу и безмерно обрадовались встрече. До этого Квисс пребывал в одиночестве – робкие коротышки из местной челяди были не в счет; что же касается Аджайи, она возликовала, найдя хоть кого-то в этой холодной и мрачной громаде из камня, железа, стекла, сланца и бумаги.

Прошло совсем немного времени, и им стало ясно: в Терапевтических Войнах они сражались на разных сторонах, однако особых трений между ними из-за этого не возникло. Оба они слышали об этом месте и отдавали себе отчет, почему оказались здесь. Оба знали, что именно предстоит делать и как трудно отсюда вырваться; они понимали, что друг без друга им не обойтись.

Они – каждый на своей стороне – были Провозвестниками в ходе этих Войн (которые, вопреки обывательскому мнению всех времен, велись отнюдь не между Добром и Злом, а между Серостью и Яркостью); пройдя полный курс подготовки, они могли бы рассчитывать на большое будущее; но каждый из них совершил какой-то глупый просчет, который поставил под сомнение их пригодность к службе в высоком ранге – поэтому они и очутились здесь, в замке, где им была предоставлена последняя возможность, рискованная попытка, призрачная надежда на помилование: от них требовалось найти ответ на головоломку и разыграть несколько партий в различные игры.

Да еще в таких уму непостижимых обстоятельствах.

Только безумец мог решиться на строительство этой громады, часто думала про себя Аджайи. Замок высился на одиноком скалистом утесе посреди равнины и был почти целиком сложен из книг. Для облицовки стен использовался главным образом сланец, на вид совершенно обычный кристаллический материал, результат естественного процесса отложения осадочных пород. Но стоило отковырнуть от стены одну такую плитку (что не составляло труда, ибо замок медленно, но верно разрушался), как под ней обнаруживались начертанные или выгравированные значки, расположенные строками или столбцами, с интервалами и пробелами, даже с каким-то подобием знаков препинания. Когда Квисс впервые столкнулся с этой

странной особенностью, он принялся крушить стены, не в силах поверить, что скрытые облицовкой камни, десятки тысяч кубометров и килотонн, образованы не чем иным, как бесчисленными тайными письменами. Цеховые коротышки мастера – каменотесы и строители – до сих пор трудились не покладая рук, чтобы ликвидировать ущерб, который причинил замку этот старик, когда ломал стены в напрасной попытке доказать самому себе, что тайнопись – это лишь отдельные вкрапления, а не всепроникающая сущность. Реставрация велась под неумолчный хор жалоб и сетований: коротышки и так не справлялись с восстановлением стен, а тут еще постояльцы добавили им хлопот.

– Вызывали? – послышался тихий надтреснутый голос.

Аджайи посмотрела в сторону винтовой лестницы, ожидая увидеть кого-нибудь из служек, но оказалось, голос прозвучал сзади. Она заметила, что Квисс побагровел, вытаращил глаза, а его морщины прорезались еще глубже.

– Кыш! Вон отсюда! – заорал он из-за плеча Аджайи в сторону балкона.

Обернувшись, старуха увидела на перилах красную ворону, которая хлопала крыльями, будто хотела согреться, и внимательно смотрела на них, склонив голову набок. Черный глаз был похож на маленькую круглую пуговицу.

– Ну что, сдаетесь? – каркнула красная ворона. – Спросили бы меня, я б вам сказала: силезская защита в одномерных шахматах не катит. И чему вас только учили?..

Квисс сорвался со стула, едва не упав, схватил с пола обломок сланца и швырнул им в красную ворону; птица с криком отпрыгнула в сторону и, расправив крылья, спорхнула с перил в холодную светлую бездну; карканье отозвалось прощальным эхом, как зловещий хохот. Кусок сланца исчез в балконном проеме, неуклюже повторяя птичий полет.

– Вот тварь! – буркнул Квисс и снова сел.

Грачи и вороны, гнездившиеся в обветшалых башнях замка, обладали даром речи; они были наделены теми голосами, которыми прежде говорили непримиримые соперники, неверные возлюбленные и ненавистные начальники, встречавшиеся в жизни обоих – и Квисса, и Аджайи. Птицы являлись только для того, чтобы помучить стариков напоминаниями о прошлом, о неудачах и ошибках, которые привели их сюда (при этом не упоминалось никаких подробностей, и каждый пребывал в неведении, за какие провинности другой был отправлен в замок. Аджайи как-то предложила обменяться своими историями, но Квисс не согласился). Однако самой ехидной и злонамеренной была красная ворона, которая с одинаковой изощренностью терзала обоих. Квисс быстрее выходил из себя, поэтому на его долю приходилось куда больше вороньих нападков. Иногда он дрожал от ярости сильнее, чем от холода.

Из-за плохой работы котельной в замке действительно было холодно. Отопительная система давно требовала ремонта. По идее, над всеми потолками и под всеми полами должна была циркулировать горячая вода. Помещение для игр, укрепленное сланцевыми и железными опорами, венчал низкий стеклянный потолок с прихотливым орнаментом железных балок. В толще стекла, достигавшей не менее полуметра, плескалась вода, мутноватая и соленая, – назначение котлов как раз и состояло в том, чтобы ее подогревать. То же самое было предусмотрено и внизу: под исцарапанными прозрачными плитами булькало полметра воды, которая обтекала сланцевые цоколи колонн. Под стеклом, точно под фальшивым льдом, бесцветными амебами вязко перетекали удлиненные пузырьки воздуха.

В соленой воде обитали светоносные рыбы. Они извивались в слабом течении, как ожившие неоновые трубки, наполняя залы, коридоры и башни мягким сиянием, из-за которого все расстояния становились обманчивыми, а воздух казался загустевшим. Во время прибытия Аджайи игровой зал был еще хоть куда: его в меру освещали рыбы-люминофоры и приятно обогревали циркулирующие сверху и снизу водные токи. Этот диковинный порядок поддерживался вполне исправно.

Но теперь что-то нарушилось, и рыбы косяками поплыли на нижние этажи, которые еще хранили тепло. Сенешаль замка, закутанный в черный плащ, мрачно нахмурился, когда Квиссу удалось разыскать его на кухне и спросить, что, собственно, происходит и каковы виды на ремонт отопления; сенешаль отделался дежурными извинениями и начал разглагольствовать о том, как соленая вода способствует коррозии, как она разъедает трубы, каково нынче добывать строительные материалы, как нелегко в наши дни... «Какие еще дни?» – взорвался однажды Квисс. День тут всегда один и тот же, добавил он, и предположил: может, дни и существуют, только очень длинные? Заслышав эти слова, сенешаль умолк и спрятал изможденное серое лицо под капюшоном плаща, а человек – огромный старик – дрожал в бессильной ярости и безрезультатно сверлил его взглядом.

Замок Дверей отличала еще одна особенность. Вблизи от любых часов время текло быстрее. И наоборот: по мере удаления от часов оно начинало тянуться медленнее, причем эффект был не кажущимся, а самым что ни на есть реальным. Все часы в замке крепились на строго определенных местах и показывали разное время – одни спешили, другие отставали. Где-то в подземельях, еще хранивших тепло, работал исполинский часовой механизм – невообразимое скопище зубчатых колес и скрипучих осей. Валики, скрытые в полуобвалившихся стенах, передавали движение от центрального механизма к стрелкам отдельных циферблатов; внутри стен что-то стучало и скрипело, отовсюду подтекало масло.

Масло смешивалось с тепловатой соленой водой, которая капала с прохудившихся потолков; это было одной из причин, почему они попросили установить на узкой винтовой лестнице хоть какие-то перила. В замке витал неистребимый запах масла и морской соли, отчего Аджайи нередко вспоминались корабли и старые гавани.

Было совершенно непонятно, с какой стати время должно ускоряться вблизи часов, и никто из челяди не мог предложить вразумительного объяснения. Квисс и Аджайи проделали такой опыт: одновременно зажгли две одинаковые свечи, одну прямо у циферблата, а другую – в центре зала; свеча у циферблата догорела чуть ли не вдвое быстрее. Тогда они между собой осторожно предположили, что этот эффект можно использовать для сокращения времени, отведенного на предписанную им игру, однако часы в замке – а может, и сам замок – этому воспротивились. Если игровой столик ставили рядом с часами, он переставал работать: красный кристалл в середине столешницы затухал, а висящее в воздухе изображение доски с фигурами исчезало. К тому же и сами часы были крайне ненадежными: они то и дело отставали, и получалось, что вблизи от них время, наоборот, замедляется.

Наверное, неведомая сила, управлявшая ходом времени, подчинялась закону обратных квадратов и исходила от каждого циферблата; но при этом определенно существовало и другое, более общее воздействие, которое оказывал центральный часовой механизм, запрятанный на одном из самых нижних уровней замка: недаром внизу все скорости были гораздо выше.

Наиболее отчетливо это воздействие проявлялось в кухнях, где среди невероятного жара, грохота и мельтешения безостановочно готовились немыслимые количества съестного; здесь же, в этом постоянном хаосе, располагался кабинет сенешаля. Аджайи не удивилась, что Квисс, кутающийся в рваные меховые одежды, принес с собой запах кухни.

– Вызывали? – послышался робкий голос.

Аджайи подняла глаза, Квисс обернулся: на верхнюю ступеньку винтовой лестницы вскарабкалось проворное существо росточком примерно по пояс человеку. Оно было одето в грязный серый балахон, перехваченный на животе красным шнурком. Матерчатый капюшон балахона удерживался в требуемом положении – над головой и лицом существа – с помощью ободка, напоминающего поля от засаленной красной шляпы, натянутой глубоко на уши; тулью шляпы заменяла верхушка капюшона. Лицо посыльного скрывалось под маской из папье-маше; такие маски носили все комнатные и кухонные служки. Маске было придано выражение грустной покорности.

– Лучше поздно, чем никогда, – сердито бросил Квисс.

– Нижайше прошу простить, – пискнуло существо, шаркая по полу начищенными красными башмачками. У стола оно с поклоном остановилось и для согрева засунуло кулачки в рукава балахона, не снимая перчаток. – Стало быть, игра закончена, вот и славно. Кто же одержал верх?

– Не твое дело, – рявкнул Квисс. – Будто не знаешь, зачем тебя позвали!

– Ах, да-да, смею сказать, знаю. – Существо закивало, однако в его голосе было меньше уверенности, чем в словах. – Ответ-то готов или как? – Оно втянуло голову в плечи, словно ожидая удара за ошибочное предположение.

– Ответ готов, как же иначе, – язвительно произнес Квисс и посмотрел на Аджайи; та ответила ему улыбкой и жестом указала на серую фигурку. Квисс прочистил горло и подался вперед; служка отшатнулся, но не сошел с места. – Так вот, – продолжил Квисс, – ответ на вопрос звучит следующим образом: в одной вселенной того и другого вместе быть не может. Ясно?

– Ясно, – снова закивал коротышка, – кажется, ясно: «В одной вселенной того и другого вместе быть не может». Очень хорошо. Логично. Вроде бы правильно. У меня тоже были такие мысли. Похоже, что...

– Свои мысли оставь при себе, – перебил Квисс, оскалив рот в ухмылке и наклоняясь еще ниже к бедному созданию, которое совсем сжалось и готово было упасть навзничь. – Делай свое дело; может, мы наконец уберемся из этой гнусной дыры.

– Как скажете, воля ваша, слушаю и повинуюсь, – зачастило посыльное существо, с мелкими поклонами пятясь назад к винтовой лестнице.

В какой-то момент оно споткнулось о книгу и чуть не упало, но все же удержалось на ногах, повернулось спиной и кануло в темноту. Очень скоро торопливые шажки стихли где-то внизу.

– Хм-м-м, – нарушила молчание Аджайи. – Интересно знать, что это создание теперь будет делать, куда побежит?

– Да какая разница? Лишь бы ответ оказался правильным, – отрезал Квисс, потом потрянул головой, почесал подбородок и посмотрел туда, где скрылось приткое существо. – Готов поспорить, это безмозглое чучело все перепутает.

– Ну, мне кажется, такого не может быть, – возразила Аджайи.

– А мне кажется, так оно и будет. Надо было за ним проследить – посмотреть, куда пойдет. Могли бы сократить эту дурацкую цепочку.

Он вопрошающе посмотрел на Аджайи, но та не уступала:

– Это лишнее.

– Наверняка ответ окажется совершенно примитивным.

– Хочешь, заключим пари? – предложила Аджайи.

Квисс собрался было ответить, но передумал. Он только кашлянул и молча провел загрубелым, желто-серым пальцем по резному узору на деревянной столешнице.

Не дождавшись его согласия, Аджайи сказала:

– Надо спросить ответ у кого-нибудь из коротышек. Да хоть у этого, когда вернется. Может, подскажет?

– Если ответ правильный, то не придется и разговаривать с этими недомерками. – Квисс в упор посмотрел на старуху. – Это ты придумала такой ответ, помни.

– Помню, – подтвердила Аджайи. – Если он окажется неверным, следующая попытка твоя, но ведь мы с тобой обо всем договорились; да, первый ответ был моим, но так вышло по воле случая. Ты не забыл?

– Это тоже ты придумала. – Квисс избегал встречаться с ней взглядом, он водил пальцем по резьбе игрового столика.

– Давай не будем опускаться до взаимных упреков, – сказала Аджайи.

– Ладно. – Квисс широко раскрыл глаза и развел руками; в его голосе вдруг послышалась почти детская обида. – Да только когда она представится, следующая попытка? Ну скажи, когда?

– Так уж здесь повелось, – вздохнула Аджайи. – Я не виновата.

– Никто тебя не винит, – бросил Квисс.

Такое заверение, похоже, не слишком убедило Аджайи; она села поудобнее и натянула перчатки:

– Вот и ладно.

Им понадобилось почти двести пятьдесят дней по «календарю» Квисса, чтобы узнать, каким образом можно найти выход. Для этого требовалось ответить на один вопрос-загадку. Но прежде их ожидала череда диковинных игр; всякий раз требовалось заново разбираться в правилах и доводить все партии до конца, без плутовства и сговора. После каждой игры им давалась одна и только одна возможность высказать отгадку. Они завершили первую игру и заработали первую попытку. Одномерные шахматы оказались не такими уж мудреными, нужно было только разгадать правила, и теперь их первый ответ уносило с собой, или уже передавало по назначению, или обрабатывало – кто его знает – услужливое существо в красных башмачках.

Поставленный перед ними вопрос был весьма простым, и, как сразу предупредил сенешаль, ему самому сказали, что вопрос скорее эмпирический, нежели чисто теоретический; хотя, добавил он, это маловероятно, ибо даже таинственные и могущественные силы, управляющие Войнами, не властны над подобными абсолютами... Вопрос звучал так: что будет, если на пути неостановимой силы окажется несдвигаемый объект?

Вот так, все просто. Ничего сверхсложного или заумного, именно так. Аджайи поначалу решила, что это шутка, но до сих пор вся мелюзга, обитавшая в замке, все служки, и поварята, и один-два подручных, как-то попавшиеся ей на глаза, да и сам сенешаль, и даже насмешливые грачи и вороны, облюбовавшие руины верхних ярусов замка, относились к этому вопросу с полной серьезностью. Он и был той роковой загадкой; найди они правильный ответ, им бы открылся путь из замка, они смогли бы вернуться из этого чистилища к своим обязанностям и званиям в армиях Терапевтических Войн, сполна расплатившись за все ошибки.

У них была и другая возможность – покончить с собой. К этому сводился понимаемый по умолчанию выбор (одна лишь красная ворона не признавала умолчания – она беспечно называла все своими именами через каждые три-четыре встречи), легкий путь к свободе. Прыжок с балкона игрового зала – и долгое падение. Или смертельные яды и зелья от аптекаря замка. Или шаг из боковой двери, а потом извилистая тропинка среди камней и руин в снежное безмолвие...

Аджайи не раз вспоминала об этой возможности, обдумывая ее на будущее, на тот случай, когда – если – ей покажется, что надежды иссякли. Но она с трудом представляла, как можно дойти до такого предела отчаяния. Наверное, нужно, чтобы время потекло еще ленивее, чтобы ей совсем уж невольно стало терпеть это окоченевшее дряхлое тело – только тогда можно всерьез задуматься о самоубийстве. К тому же нельзя было забывать, что, уйдя из жизни, она оставит Квисса в полном одиночестве. Самоуничтожение одного из партнеров означало, что игры прекращаются. Оставшийся игрок не имел права продолжить партию или подыскать замену, а если игра прерывалась и не доводилась до конца, то вопрос-загадка оставался без ответа.

– Э-э... прошу прощения... – Квисс и Аджайи как по команде обернулись к винтовой лестнице, откуда выглядывало маленькое печальное создание.

– Ну что? – в нетерпении выкрикнул Квисс изменившимся голосом. Аджайи с глубоким вздохом опустилась на табурет. Она все услышала. Ей показалось, Квисс тоже услышал, только не желал в этом признаваться даже самому себе. – Выкладывай, чучело! – заорал Квисс.

– Не то, – едва слышно пролепетал служка, Аджайи вся обратилась в слух. – Ответ неправильный. Позвольте выразить вам...

– Вранье! – Он затрясся от ярости.

Перепуганный коротышка с воплем исчез. Аджайи опять тяжело вздохнула и подняла глаза на Квисса, который, сжав кулаки, уставился неподвижным взглядом в опустевший дверной проем. Под ее взглядом он развернулся так резко, что полуоторванные клочья на полах его шкур взметнулись вверх.

– Это *твой* ответ, любезнейшая! – вскричал он. – Твой ответ, не отпирайся!

– Квисс, – приглушенно укорила Аджайи.

Он затряс головой, в бешенстве поддал ногой узкий стул и, вколачивая каблуки в жалобно заскрипевший стеклянный пол, устремился к себе в каморку. У выхода в короткий коридор, ведущий в его жалкую обитель, он остановился возле боковой стены, где каменщики в тщетной надежде сохранить тепло выложили – ярус за ярусом, ряд за рядом – обыкновенные книжки в бумажных и картонных переплетах. Квисс вцепился в стену и выдрал из нее одну за другой несколько выцветших, пожелтевших книг, отбрасывая их назад, как собака, роющая ямку в песке; он выкрикивал что-то нечленораздельное, молотил кулаками по стене и отдирал книжный щит, так что обнажалась черная с прозеленью сланцевая облицовка, а вырванные страницы с трепетом опускались на грязный стеклянный пол, словно гигантские потемневшие снежинки.

Квисс опрометью вылетел из зала; грохнула какая-то дверь, и Аджайи осталась одна. Подойдя к растерзанным книгам, она пошевелила их носком башмака. Некоторые издания были на незнакомых языках – во всяком случае, так ей показалось (хотя в потемках трудно было в этом удостовериться, да к тому же она слишком окоченела, чтобы заставить себя наклониться).

Страницы – тончайшие хлопья – так и остались лежать на мутном полу, а она отошла к балконному проему.

На фоне нескончаемой, неизменной, ровной белизны пролетела стая темных птиц. Сверху глядело все то же небо, пустое, серое, неприметное.

– Что же будет дальше? – тихо спросила Аджайи.

От холода у нее по телу пробежали мурашки; она обхватила себя руками за плечи. Ее короткие волосы никак не отрастали, а капюшона на меховых одеждах не было. Из-за этого у нее мерзли уши. Что будет дальше, им уже сообщил сенешаль: будет игра под названием «бесконечное го». Неведомо, сколько времени могло потребоваться, чтобы выяснить правила и разыграть партию; а для начала Квиссу еще предстояло смирить свою гордыню. Сенешаль обмолвился, что бесконечное го – чрезвычайно близкая аналогия Терапевтических Войн, и это не на шутку встревожило Аджайи. Неужели эта игра сравнима с Войнами по сложности и продолжительности?

Она как-то спросила сенешаля, откуда исходят замыслы этих странных игр. Он отвечал, что существует некое место, которое замок избрал своей Предметной областью; как ей показалось, он намекнул, что туда можно попасть разными путями, но отказался выразиться яснее. Аджайи всячески обхаживала сенешаля (когда ее больная нога и негнувшаяся поясница позволяли ей спускаться на нижние уровни, где он пребывал), а Квисс, напротив, хотел нагнать на него страху. Едва прибыв в замок, старик надумал под пытками вырвать у кого-то из здешних служек все сведения, необходимые для побега. Как и следовало ожидать, он ничего не добился и только застрашал остальных.

У Аджайи заурчало в животе. Видно, близилось время еды. Вот-вот должны были появиться служки, если только Квисс всех не распугал. Будь он проклят, этот старик.

Бесконечное го, повторила она про себя и задрожала еще сильнее.

– Еще пожалеешь! – раздался хриплый окрик пролетающего грача, которому достался голос ее давнего, недоброй памяти возлюбленного.

– Только тебя тут не хватало, – отмахнулась она и поспешила обратно в игровой зал.

Часть вторая

Роузбери-авеню

На виадуке, который поднимал Роузбери-авеню над Уорнер-стрит, пахло краской. Черная пыль покрывала весь тротуар и скапливалась между столбиками только что загрунтованной балюстрады. Грэму хотелось надеяться, что краска будет подобрана со вкусом. Он заглянул в строительную люльку, висевшую с наружной стороны ограждения, и ему в глаза бросился старый транзисторный приемник, до такой степени заляпанный краской, что впору было его показывать на выставке современного искусства. Находившийся в люлке маляр насвистывал какой-то мотив и сматывал длинный канат.

Грэм испытывал необъяснимое удовлетворение от мерного течения жизни; он почти самодовольно отмечал, что мимо спешат люди, которые даже не смотрят в его сторону – благо он отделался от Слейтера. Ему казалось, он превратился в незаменимый кровавый шарик в артериях города, пусть микроскопический, но жизненно важный; носитель информации, залог развития и перемен.

По всей видимости, она уже его поджидает, готовится, только что начала одеваться, а может, еще принимает ванну или душ. Наконец-то все налаживается, черная полоса закончилась, Стоку дана отставка. Теперь настал его черед, пробил его час.

Интересно было бы узнать, что она теперь о нем думает. Вначале, когда они только познакомились, она, наверное, считала его не более чем забавным и в то же время добрым. Потом у нее появилась возможность узнать его поближе, открыть для себя другие грани его характера. Возможно, она его полюбила. Он вроде бы тоже ее полюбил. Нетрудно было представить, как они станут жить вместе, а там и поженятся. Он будет зарабатывать на жизнь своим искусством – на первых порах, по-видимому, сугубо коммерческим, но потом сделает себе имя, а она будет заниматься... чем пожелает.

По левую руку возвышались городские корпуса: индустриальные и административные здания с жилыми квартирами на верхних этажах. Перед открытой дверью какой-то «Мастерской Уэллса», у самого тротуара, стоял большой спортивный автомобиль американского производства, серии «Транс Ам». Грэм нахмурился: во-первых, ему не понравились вызывающие белые буквы на шинах и вульгарный дизайн, а во-вторых, в памяти всплыло нечто смутное, вроде бы касающееся Слейтера, а может, даже и Сэры.

Потом он сообразил: как и следовало ожидать, это было связано с тусовкой, на которой Слейтер их познакомил. Любопытное совпадение, подумалось Грэму.

Следующая мастерская обдала его запахом новой обуви, когда он остановился, чтобы рассмотреть старинные, давно остановившиеся уличные часы с двусторонним циферблатом; стрелки замерли на двадцати минутах третьего (он сверился со своими наручными часами: на самом деле было 3.49). Грэм мысленно посмеялся, вспоминая тот вечер и очередной ненаписанный сюжет Слейтера.

– Ну, слушай. Это научная фантастика. Существует некая...

– Я тебя умоляю, – простонал Грэм.

Они стояли у камина в гостиной просторного дома на Госпел-Оук, принадлежавшего преподавателю Художественного колледжа Мартину Хантеру (студенты запросто называли его Мартином). Тот устраивал рождественскую вечеринку, но, по своей традиции, делал это с запозданием, в январе. Слейтер, оказавшийся в числе приглашенных, позвал с собой Грэма, убедив его, что можно заявиться и просто так. Они скинулись и купили вино в картонной коробке, красное столовое, которое и цедили сейчас из больших пластиковых стаканов. После

ланча ни тот ни другой ничего не ели, кроме каких-то соленых чесночных хлебцев; еще не все гости были в сборе, а вино уже начинало действовать.

Из столовой доносился грохот музыки. Ковры были свернуты, чтобы не мешали танцевать. Но пока еще все собравшиеся просто сидели в гостиной на диванах и пуфах. На стенах красовались работы самого Мартина Хантера – огромные аляповатые полотна, похожие на поверхность овощного супа, какой она видится под воздействием мощного галлюциногена.

– Да ты послушай. Существует некая инопланетная цивилизация; ее обитатели, спроати, готовят вторжение на Землю...

– Если не ошибаюсь, такое уже сто раз описано, – сказал Грэм, прихлебывая вино.

Слейтер рассердился:

– Ты не даешь договорить.

Он пришел в серых полуботинках, в мешковатых белых штанах и красном пиджаке, похожем на смокинг. Сделав глоток, он продолжил:

– Стало быть, они десантируются на Землю, причем для того, чтобы не платить налоги, потому как...

– Чтобы не платить налоги? – не поверил своим ушам Грэм; он подался вперед, вопрошающе глядя на Слейтера.

Слейтер хохотнул:

– Ну да, им приходится проводить большую часть галактического года вне пределов Млечного Пути, иначе галактическая налоговая служба требует от них непомерных выплат, но они, вместо того чтобы оплачивать дорогостоящие межгалактические перелеты, решают обосноваться на какой-нибудь заштатной планете, находящейся *в пределах* галактики, и просто отсидеться, понимаешь? Но случилось непредвиденное. Они замаскировали свой космический корабль под «Боинг-семьсот сорок семь», чтобы земляне до поры до времени ни о чем не догадывались, однако по прибытии в Хитроу у них потерялся багаж. Весь их арсенал отправляют в Майами, где эти ящики по ошибке выдаются неким психиатрам, прибывшим на международный симпозиум по анальной фиксации после смерти. И что произошло: фрейдисты, получившие доступ к самому современному оружию, захватили весь мир. Тем временем британская иммиграционная служба интернирует всех спроати; из-за ошибки спектрографа при подготовке операции они приняли слишком много танина и сделались почти черными. Хотя вообще они синие. Одному из них...

– А как они выглядят? – перебил Грэм.

После секундного замешательства Слейтер отмахнулся:

– Пока не знаю. Какие-нибудь гуманоиды, скорее всего. Так вот, одному из них удалось сбежать. Он поселился в заброшенной, но работающей мойке для автомобилей в Хейсе, графство Миддлсекс, а тем временем все остальные интернированные спроати умирали от голода.

– Сколько же их было? Вроде маловато для целой цивилизации... – пробурчал Грэм себе в стакан.

– Они просто не хотят светиться, – досадливо прошипел Слейтер. – Ты можешь помолчать? Тот спроати, один-единственный, назовем его Глоппо...

Из прихожей в гостиную, болтая и смеясь, вошли две девушки. Грэм видел их в Художественном колледже. Он ждал, что эти милашки обратят внимание на них со Слейтером. В тот вечер он впервые надел черные вельветовые брюки, полученные от матушки на Рождество (он сам заказал ей такой подарок, иначе она бы купила *расклешенные* джинсы!), и выглядел очень даже неплохо: белоснежная рубашка, черный пиджак, белые кроссовки и чуть подсветленные темные волосы.

– Эй, перестань глазеть на телок и слушай внимательно. Ты суть уловил? – Слейтер оперся о каминную полку и приблизил лицо к Грэму.

Грэм пожал плечами, поболтал в стакане красное вино и ответил:

– Я уловил, что ты меня заловил.

– О, как тонко, – притворно заулыбался Слейтер. – Итак, Глоппо вживляет в мойку мозг, чтобы заниматься с ней сексом – ну, сам понимаешь, всякие там щеточки, валики, пенки и прочее. Тем временем во Флориде фрейдисты насаждают свои порядки: они уничтожают все фаллические символы, включая биты для гольфа, авиалайнеры, субмарины, ракеты и снаряды. На мотоциклах разрешается сидеть только боком; дальше больше: запрещаются сложенные зонты, джинсы-стрейч, чулки в сеточку. Кто не подчиняется, тому к черепу намертво привинчивают плеер «Сони», который крутит закольцованную кассету с хитами Барри Мэнилоу... а любители Барри Мэнилоу в наказание слушают Джона Кейджа.

– А как поступают с теми, – спросил Грэм, тыча пальцем в Слейтера, – кто балдеет и от Барри Мэнилоу, и от Джона Кейджа?

Слейтер закатил глаза:

– Грэм, это же научная фантастика, а не цирк Монти Пайтона. Слушай дальше. Глоппо уличает мойку в неверности: она ему изменяет с автомобилем «Транс Ам» цвета синий металлик.

– Я думал, «Транс Ам» – это авиакомпания.

– Это автомобиль. Помолчи. Глоппо узнает, что в его отсутствие «Транс Ам» посещает мойку...

– ...и мойка его заездила, – хохотнул Грэм.

– Замолчишь ты или нет? Глоппо отключает эту неверную мойку. И тогда...

В гостиную прибавилось народу: в основном это была молодежь примерно его возраста. Гости тусовались группками, трепались и пили вино. Две девушки, которых он заметил раньше, разговорились с подружками. Грэм надеялся, что, глядя на них со Слейтером, люди все-таки разберутся, кто из них «голубой», а кто нет. Он посмотрел через плечо, одобрительно кивая, а Слейтер раззадорился, засверкал глазами, начал усиленно жестикулировать и, похоже, подобрался к концу своего сюжета.

– ...до смерти перепуган, потому что его должны вот-вот расщепить на мелкие частицы, пропитанные радиацией, как мозг Рональда Рейгана, и со страху бежит в уборную; его дерьмо застывает в холоде открытого космоса и по чистой случайности оказывается на пути корабля преследователей, который мчится на скорости в половину световой; корабль налетает на дерьмо – и полный финиш. Потом Глоппо и его дружок познали радости орального секса, фрейдисты взорвали Землю, но этого так и так было не миновать, и с тех пор наши герои жили долго и более или менее счастливо. – Слейтер перевел дух, широко улыбнулся и отхлебнул вина. – Что скажешь? Классно, да?

– Ну... – протянул Грэм, глядя в потолок.

– Не томи, противный. Это же круто! Так и скажи.

– Ты это вычитал в книжке, – сказал Грэм. – У этого – ну, сам знаешь... как его...

– Как всегда, полная ясность мысли, Грэм. Какой проницательный ум – прямо в точку.

Снимаю шляпу.

– Да ты прекрасно знаешь, о ком я говорю, – Грэм уставился на бездействующий камин и щелкнул пальцами. – Его еще по телику показывали...

– О, круг поисков сужается, – задумчиво кивнул Слейтер и сделал еще глоток.

– У него тоже Землю взорвали... ну, как же его... – Грэм не переставая щелкал пальцами.

С молчаливым презрением посмотрев на пальцы Грэма, Слейтер утомленно произнес:

– Грэм, сосредоточься на чем-то одном. Ты вспоминаешь название книги или учишься подзывать официанта? У тебя, видно, объем оперативной памяти маловат.

– «Автостопом по Вселенной»! – воскликнул Грэм.

– «...по Галактике», – кисло поправил Слейтер.

– Вот-вот, очень похоже.

– Совершенно не похоже. Просто тебе не дано распознать настоящий талант.

– Ну, не знаю... – ухмыльнулся Грэм, не спуская глаз с двух девушек из Художественного колледжа, которые теперь разговаривали о чем-то своем, сидя на полу в противоположном конце комнаты. Слейтер постучал себя по лбу:

– Головой надо думать, Грэм, а не гениталиями! Жалкая личность. Ведь я тут как тут: талантлив, хорош собой, готов отвечать любовью на любовь, а тебя интересуют какие-то тупые телки.

– Тише ты, болван, – одернул его изрядно захмелевший Грэм. – Вдруг услышат? – Глотнув из стакана, он укоризненно посмотрел на Слейтера. – И брось расхваливать свои прелести. Ты иногда меня просто достает. Сколько раз тебе повторять: я не «голубой».

– Боже мой, – сокрушенно выдохнул Слейтер, – честолюбия – ни на грош.

Сейчас, в погожий июньский день, Грэма позабавили эти воспоминания. Та вечеринка удалась на славу, даже если не считать, что там он познакомился с Сэрой; закусок выставили хоть отбавляй, народ подобрался веселый, и незанятых девушек, как он заметил, было предостаточно. Не поддаваясь на самовосхваления Ричарда Слейтера, Грэм размышлял, как бы пригласить на танец одну из тех двоих – более привлекательную.

Вот интересно, подумалось ему, тот вечер остался далеко в прошлом, а воспоминания о нем сохранились свежими и яркими, словно все это случилось на прошлой неделе. Он дышал полной грудью. На пути ему попались почтовые служащие в униформе сортировочного участка Маунт-Плезант, которые остановились перекинуться парой слов возле небольшого кафе. У тротуара стояла большая итальянская машина ярко-красного цвета. Такая бы понравилась Слейтеру. Грэм улыбнулся своим мыслям и перешел через дорогу к сортировочному участку, от которого пахло краской – тоже свежей.

Слейтер заметил Сэру, как только та появилась в дверях гостиной. Просияв, он поставил пластиковый стакан на каминную полку.

– Сэра, дорогуша! – окликнул он, пробился сквозь два кружка гостей и обнял ее за плечи.

Она никак не отреагировала, но, когда Слейтер отстранился, ее губы изогнулись в легкой улыбке. Грэм смотрел не отрываясь; он заметил, что девушка бросила взгляд в его сторону. Слейтер повел ее к камину тем же путем, сквозь группки беседующих. Грэм остолбенел. Парни болтали напропалую как ни в чем не бывало. Неужели ни один человек не обратил на нее внимания?

Она была стройна, довольно высока. Густые черные волосы казались слегка спутанными, словно она не причесалась, встав утром с постели. Лицо и все открытые участки кожи пленяли белизной. Черное платье, отделанное чуть поизносившимся старинным кружевом, окутывало ее нежной пеленой, словно легкая черная дымка. Поверх тонкого платья был надет стеганный китайский жакет в ярко-красных тонах; в гостиной сразу стало светлее. Черные чулки, черные туфельки на низком каблучке.

На ходу она стягивала перчатки. В скромном, глубиной в ладонь, вырезе ее платья виднелась причудливая белая полоска, похожая на широкое кольцо с необработанными краями, кое-как наброшенное на шею. Когда она приблизилась, он понял, что это шрам, который выделялся белизной даже на фоне ее бледной кожи. У нее были широко распахнутые, как от удивления, черные глаза, будто слегка оттянутые к вискам. Маленький рот обрамляли бледные губы, которые выглядели чуть крупноватыми, словно они были разбиты в кровь, а потом припухли. Никогда в жизни он не видел никого и ничего прекраснее; не успела она дойти от дверей до камина, а он уже понял, что влюбился.

– Познакомься, Сэра: это и есть красавчик инженеру, которого я пытаюсь соблазнить. – Слейтер светским жестом указал на Грэма. – Мистер Грэм Парк, прошу любить и жаловать;

миссис Сэра ффитч. Самое блистательное и элегантное создание, появившееся на свет в Шропшире... не считая меня, разумеется.

Она остановилась, чуть склонив голову. У него заколотилось сердце. Наверное, по телу пробежала дрожь. Она смотрела на Слейтера сквозь черную паутинку волос, потом слегка наклонила голову в другую сторону и, оказавшись лицом к лицу с Грэмом, протянула ему свою изящную руку. Миссис! Значит, она замужем! Как же так? На какую-то долю секунды, на конечную, неразложимую единицу желания в нем вспыхнуло чувство – какое-то ранее не изведенное внутреннее устремление, но теперь это ничтожно малое, совершенно стандартное сообщение, всего из нескольких знаков, внезапно погасило все его надежды, как грошовую лампочку. (Два года назад он со школьным приятелем, которого с тех пор не встречал, поехал на лето в Грецию, и как-то раз они сели в маленький, битком набитый допотопный поезд, который в адскую жару тащился из Афин по выжженной солнцем равнине. За окном проплывала иссушенная охристая почва с однообразными колючими кустарниками. Грохочущий вагон заполнили туристы с рюкзаками и одетые в черное греческие крестьянки с курами. Вдруг его приятель Дэйв закричал: «Гляди!» – и он, обернувшись, успел заметить Коринфский канал; будто лезвие рассекло пейзаж, сверкнуло синевой и на мгновение приоткрыло далекий кораблик среди бездны воздуха и света. А дальше опять потянулась бесплодная равнина.)

– Здравствуйте, – произнесла она и бросила взгляд на свою протянутую руку.

От него не укрылось, что Слейтер сделал глубокий вдох, запрокинул голову и по своему обыкновению должен был закатить глаза, но Грэм не стал этого дожидаться: он быстро кивнул, перехватил стакан другой рукой и чопорно пожал холодную женскую ладонь:

– А... здравствуйте.

Сколько ей было лет? Двадцать с лишним? Он не стал задерживать рукопожатие. Она все еще смотрела ему в глаза. Ее фигура, как и все остальное, была прелестна; ему захотелось выть, а может, даже перебросить ее через плечо и кинуться наутек. Кто она такая? Зачем его терзает? Она не отводила взгляда. Спокойные, внимательные глаза, зрачок и радужка почти одного цвета. Математически безупречные скобки черных бровей. Он вдыхал ее благоухание: прохладное, резковатое, с ноткой мускуса, как изморозь на оконном стекле, за которым открывается хвойный лес.

– Не волнуйтесь, – произнесла она, улыбаясь, – Ричард о вас почти ничего не рассказывал. – Она перевела взгляд на Слейтера, который, взяв с каминной полки свой стакан, смотрел на них с усмешкой, если не сказать – с ухмылкой.

Грэм пожал плечами.

– А о вас... – он запнулся, пытаясь проглотить комок в горле, чтобы скрыть свое восхищение, – о вас он вообще никогда не упоминал.

Улыбаясь, она перевела взгляд на Слейтера и засунула черные перчатки в карман стеганого жакета.

– Итак, молодые люди, – заговорила она, все так же переводя взгляд с одного на другого, – у меня к вам есть дерзкое предложение: а не выпить ли нам по стаканчику? Я, между прочим, тоже купила бутылку, но сунула не в тот карман, она выскользнула через дыру в подкладке и разлетелась вдребезги. – Ее брови выгнулись дугой, и Слейтер захохотал.

– Прекрасный рассказ, Сэра! Будь уверена, мы бы тебя простили, даже если бы ты с самого начала шла сюда с пустыми руками. – Он обернулся к Грэму. – Заметь, как Сэра одевается: стиль раннего благотворительного секонд-хенда «Оксфам». Вполне возможно, она говорит правду. – Он погладил девушку по плечу и снова поставил стакан на каминную полку. – Прошу прощения, мэм.

Он начал протискиваться сквозь толпу гостей, которая почти заблокировала выход. Грэм и не заметил, в какой момент в гостиной сделалось жарко и многолюдно. Однако сейчас, когда Слейтер отошел, они словно оказались наедине. Девушка нагнулась, стоя на одной ноге, и заня-

лась пряжкой на туфельке, но стала терять равновесие и шатнулась к нему! Он протянул руку; Сэра ухватила его за локоть, пробормотала нечто, что при желании можно было истолковать как «спасибо», а сама продолжала терзать пряжку.

Это не укладывалось в голове. У него даже начался зуд в том месте, которого коснулись ее пальцы. Вокруг бешено бьющегося сердца образовалась бескрайняя сухая пустота, гулая пропасть. В горле запершило. Она отпустила его локоть и со смехом подняла снятую с ноги туфельку:

– Можете убедиться. Видите? Вино.

Грэм выдавил скрипучий смешок – на большее неостало сил – и взглянул на миниатюрную черную лодочку. Вся внутренняя поверхность, напоминавшая по форме песочные часы, только из белой кожи, была покрыта бледно-красными пятнами и до сих пор не просохла. Сэра, смеясь, поднесла туфельку к его лицу, но тут же опустила голову, словно смутившись:

– Понюхайте, если не брезгуете. – У нее был чуть хриловатый грудной голос.

Изо всех сил изображая веселье, то кивая, то покачивая головой, Грэм выговорил:

– Да, похоже, и вправду вино, – и мучительно осознал, что выглядит законченным идиотом.

Его охватил ужас. Он не мог придумать, что бы еще сказать. Беспомощно озираясь, он выискивал глазами Слейтера, пока Сэра, держась одной рукой за каминную полку, надевала туфельку и застегивала пряжку. В дверях, над головами гостей, возникла винная коробка, которая, к его облегчению, поплыла в их сторону.

– А... вот и вино, – выдавил Грэм, следя взглядом, как Слейтер пробивается сквозь толпу и опускает коробку вместе с чистым стаканом.

– Пока тебя не было, я представила Грэму доказательство, что честно несла сюда вино и что оно разлилось, – сообщила Сэра, когда Слейтер, коротко кивнув кому-то из знакомых, приблизился к ним. Он водрузил коробку на белую каминную полку и, подставив под маленький краник чистый стакан, наполнил его почти до краев.

– Вот как? Надеюсь, это произвело должное впечатление.

– Обалденное, – нервно подтвердил Грэм и тут же обругал себя за косноязычие. Впрочем, никто, кроме него, не придавал этому слову никакого значения. Но он действительно обалдел – и не сомневался, что это бросается в глаза всем и каждому. Поднеся к губам стакан, он исподволь наблюдал за Сэрой.

– Что скажешь, Сэра? – Слейтер облокотился на камин, с улыбкой глядя на бледнолицую девушку. – Как поживаешь? Стоит ли еще наш родной городок?

Если Грэму не изменяла память, речь велась о Шрусбери. Слейтер повернулся к нему:

– Мы с Сэрой одно время жили по соседству. Сдается мне, предки даже рассчитывали нас поженить, но, конечно, вслух об этом не говорили. – Он вздохнул и смерил ее взглядом.

У Грэма екнуло в груди, а может, в животе; Слейтер между тем продолжал:

– Однако это не для меня. Хотя, конечно, рядом с Сэрой мне иногда хочется стать лесбиянкой.

Грэм зашелся смехом и тут же себя оборвал, чтобы не перегнуть палку. Он снова укрылся за спасительным стаканом, но пересохшие губы не сделали ни единого глотка. Напиться было бы непростительно; он просто не мог позволить себе осрамиться перед такой женщиной. Насколько верно он определил ее возраст? Не привирает ли Слейтер, что они почти ровесники, что в детстве были настолько влюблены друг в друга, что их родители... Он потряс головой, прогоняя хмель. В комнате вдруг стало невыносимо душно. Нахлынула клаустрофобия. Откуда-то из другого помещения донесся отдаленный вопль; гул голосов на мгновение умолк, и все головы повернулись к дверям.

– Это, я полагаю, забавы Хантера, – беспечно сказал Слейтер, махнув рукой. – Ему праздник не праздник без любимого развлечения: защекотать жену, чтобы та напрудила в трусы. Извини, Сэра, я тебя перебил...

– Ничего страшного, – ответила она. – Я просто хотела сказать, что там тоска и убожество. Особенно зимой.

– Поэтому ты перебралась сюда, – подхватил Слейтер.

Девушка кивнула:

– Я... поживу у Вероники, пока она не вернется из Штатов. – В ее голосе Грэму почудилось что-то странное.

– О боже, в Айлингтоне, в этой ночлежке, – посочувствовал Слейтер. – Бедная ты, бедная.

– Все лучше, чем мое прежнее жилье, – негромко отозвалась Сэра.

Теперь она отвернулась, и ему были видны только очертания ее щеки и линия носа; она слегка потупила голову, и голос снова дрогнул. Слейтер сочувственно поцокал языком, уставясь к себе в стакан.

– Все-таки ушла от него? – спросил Слейтер, и Грэм почувствовал, как у него удлиняются глаза, будто кто-то оттягивает кожу к вискам, – точно такое же выражение он с самого начала уловил на лице Сэры.

– Все-таки ушла. – Она как-то вызывающе тряхнула головой, и по спутанным черным волосам пробежала волна.

– А как тот, другой? – нарочито холодно полюбопытствовал Слейтер, сохраняя безразличный вид.

У него в глазах вдруг появилась какая-то поволока, почти как у нее. Грэм всем телом подался вперед, чтобы не пропустить ответ. Она успела что-то сказать? Оба теперь говорили совсем тихо, им не требовался лишний собеседник, а в комнате было шумно: гости смеялись и галдели, за стеной гремела музыка.

– Не надо об этом, Ричард, – попросила она, и в ее тоне Грэму почудилось страдание.

Сэра немного отвернула лицо от Слейтера и сделала большой глоток из своего стакана. Теперь она хмуро смотрела на Грэма, но в конце концов уголки ее губ слегка изогнулись кверху.

Парк, ты идиот, обругал себя Грэм, таращишься на нее, как на инопланетянку. Возьми себя в руки. Он ответил ей улыбкой, а Слейтер с коротким смешком объяснил:

– Бедняжке Сэре не повезло – вышла замуж за подонка, который к тому же имел глупость работать по части канализации. Вот я и говорю: раз жена от него ушла, ему остается только одно – броситься с головой в работу!

Грэм хотел было улыбнуться, хотя шутка показалась ему довольно бестактной, но в этот миг Сэра резко поставила свой стакан на полку, снова обернулась к нему и подошла ближе. На ее лице обозначились странные резкие линии, глаза блестели; она взяла Грэма под руку и, демонстративно обратившись к нему, а не к Слейтеру, предложила:

– Потанцуем?

– Ай-ай-ай, мой длинный язык! – пробормотал Слейтер себе под нос, а Сэра забрала у Грэма стакан и, поставив рядом со своим, решительно повела его, бессловесно-покорного, в другую комнату, где грохотала музыка.

Потом они танцевали. Он не мог вспомнить, под какую пластинку, пленку или хотя бы мелодию. Во время медленных танцев он сквозь одежду ощущал тепло ее кожи. О чем у них шел разговор, он тоже не вспомнил. Они танцевали и танцевали. Грэм вспотел и натер ноги, а вскоре у него вдобавок заныли все мышцы, словно это был не танец, а марш-бросок через незнакомый, шумный, труднопроходимый лес, где ожившие деревья мягко толкали его в темноте. Вокруг не существовало ни души, кроме них двоих.

Она неотрывно смотрела на него, а он пытался скрыть свои чувства, но во время танца ему постоянно хотелось остановиться, не разнимая рук, и просто постоять в молчаливом удивлении, чтобы через неподвижность выразить то, что он неспособен был передать в движении. Хотелось обнимать ее, прижимать к себе, вдыхать ее запах.

Прошло немало времени, прежде чем они вернулись в гостиную. Слейтера там уже не было. Кто-то унес с каминной полки вино и стакан Сэры. Они по очереди допивали то, что осталось в стакане Грэма. Он избегал встречаться с ней взглядом. На ее щеках по-прежнему не было румянца, но теперь от нее исходил какой-то физически ощутимый жар, который передавался ему. В гостиной, как ему показалось, стало совсем темно и тесно. Люди передвигались, толкались, смеялись и галдели, но для него их как бы не существовало. В призрачном полумраке белый шрам, прорезавший белую кожу вокруг ее шеи, словно излучал какое-то свечение.

– А ты неплохо танцуешь, – сказала она.

– Я совсем... – начал было он, но запнулся. – Очень редко... Я только... – Он вконец оробел.

Сэра улыбнулась:

– Ты сказал, что занимаешься живописью. Учишься в колледже?

– Да, на втором курсе, – ответил он и тут же прикусил язык.

Получилось, будто он стремится доказать, что вышел из школьного возраста. Ему не раз говорили, что у него детское лицо. Когда он заходил в паб, его частенько спрашивали, сколько ему лет. А ей сколько лет? И сколько она дала бы ему на вид?

– И что ты рисуешь? – спросила она.

Он пожал плечами, немного успокоившись; такой вопрос был для него не внове.

– Что задают. Этюды. Но на самом деле...

– Грэм, кто это прелестное создание?

Грэм затравленно оглянулся на голос мистера Хантера. Хозяин дома, исполин со скорбным лицом, был похож на Демиса Руссоса, облаченного в какой-то длинный коричневый балахон. Грэм даже закрыл глаза. Мистер Хантер и внешне, и по сути оставался человеком шестидесятых. Его толстая рука сжала плечо Грэма.

– А вы темная лошадка, молодой человек! – Он шагнул к Сэре и почти загородил ее от Грэма. – Грэм настолько вами очарован, что потерял дар речи, а то бы он нас познакомил. Меня зовут Марти Хантер (*Марти?* – изумился Грэм); я хотел спросить, вы не пробовали позиро...

Тут кто-то вырубил электричество, музыка застонала прощальными томными басами, и воздух огласился одобрителем животным ревом.

– Ах, мать вашу... – явственно услышал Грэм голос мистера Хантера; темная громада протиснулась мимо него, бормоча: – Не иначе как это Вудолл, каждый раз одно и то же...

В крошечной тьме чиркали спички, щелкали зажигалки; Сэра, ахнув, прильнула к Грэму. Кругом уже вовсю плясали язычки пламени, а он только и успел, что обнять ее за плечи. Когда зажегся свет, она тут же отстранилась и тряхнула головой; между ними все еще парило облачко ее духов. Вновь заиграла музыка, и гости разочарованно загудели: «Ну-у-у...».

– Извини, – услышал он ее голос. – Это глупость. Я и грозы боюсь... тоже. – Она рассеянно огляделась в поисках стакана, но Грэм уже протягивал ей остатки вина. – Вот спасибо, – сказала она и выпила все до капли.

– Не нужно извиняться, – сказал он. – Мне было приятно.

Она быстро подняла к нему лицо и робко улыбнулась, словно не доверяя его словам. Грэм облизнул губы, подался вперед и коснулся ее руки, сжимавшей пустой стакан. Сэра избегала встречаться с ним взглядом.

– Сэра, я...

– Не возражаешь, если мы... – перебила она, бросив на него мимолетный взгляд, и поставила ненужный стакан на полку. – Мне как-то не по себе...

– Что случилось? – встревожился Грэм, придерживая ее за руку и за плечо.

– Прости, мне нужно... – Она уже шла к дверям, а он работал локтями, чтобы проложить ей дорогу.

В прихожей они снова столкнулись с мистером Хантером, который нес на руках апатично свесившую лапы черную кошку. Завидев их, он нахмурился.

– Что-то вы бледная, а? – обратился он к Сэре, а потом повернулся к Грэму. – Кажется, вашу подругу сейчас вырвет.

– Ничего подобного, – запротестовала Сэра, обратив к нему лицо. – Не обращайтесь на меня внимания. Мне просто надо полежать на снегу – и все.

Она устремилась вперед, к выходу, но мистер Хантер преградил ей путь:

– Нет уж, позвольте. Я найду вам более подходящее... идите-ка сюда.

Он опустил кошку на старый диван, придвинутый к стене, и повел Грэма с Сэрой вверх по лестнице.

Дойдя до конца Фэррингдон-роуд, Грэм миновал Истон-стрит и снова увидел строительную люльку, в какой работают маляры или стекломои. Почему-то она лежала на тротуаре, перевернутая вверх дном, в аккуратном кольце свернутого каната. Лето, сезон покрасочных и ремонтных работ. Пора генеральной уборки после снятия зимних чехлов. Он невольно улыбнулся, возвращаясь мыслями к той первой встрече, к тому странному, если не сказать галлюциногенному вечеру. У него на пути, посреди тротуара, оказалась старушка, которая напряженно разглядывала противоположную сторону улицы, где стоял мужчина на костылях и ждал, когда можно будет перейти через дорогу. Грэм почти машинально набросал в уме зарисовку этой уличной сценки.

– Слейтер на моих глазах ушел с каким-то гориллоподобным Ромео, – сообщил мистер Хантер, когда они остановились на лестничной площадке второго этажа в его просторном доме. – Надеюсь, вы не рассчитывали, что он вас подвезет? – спросил он Грэма.

Грэм отрицательно покачал головой. Насколько он знал, Слейтер в жизни не садился за руль.

Мистер Хантер отпер ключом какую-то дверь и включил свет.

– Это комната нашей дочки; ну-ка ложитесь, милая девушка. А вы побудьте с нею, Грэм; на всякий случай скажу жене, чтобы к вам заглянула. – Перед тем как прикрыть за собой дверь, он поочередно улыбнулся Сэре и Грэму.

– Ну вот, – смущенно выговорил Грэм, когда Сэра присела на краешек подростковой кровати, – пришли. – Он закусил губу, не зная, что делать дальше.

Сэра опустила голову на руки. Глядя на иссиня-черный хаос ее волос, Грэм обмирал от желания и нерешительности. Когда она посмотрела ему в глаза, он только и спросил:

– Как ты? Что с тобой такое? Ну, в общем... что-то болит?

– Сейчас все пройдет, – сказала она. – Не сердись, Грэм. Если хочешь, возвращайся к ребятам. Мне ничего не нужно.

Он весь напряжился, шагнул вперед и присел у нее в ногах.

– Как скажешь, могу и уйти. Но лучше я тут побуду. Не хочу... оставлять тебя одну. Но если тебе надо посидеть в одиночестве... Там мне все равно будет беспокойно, буду все время думать, как ты тут...

Он соображал, как бы половчее ее обнять, но она сама прислонилась к нему и положила голову на плечо; от запаха ее духов у него поплыло перед глазами. Судя по всему, она задремала. Нельзя сказать, что они сидели обнявшись: руки Сэры тяжело и безжизненно, словно у марионетки, лежали на коленях. Придерживая ее за плечи, Грэм чувствовал, как ее знобит. Он проглотил застрявший в горле комок и принялся разглядывать комнату, от пола до потолка оклеенную постерами. Снупи, кони на солнечном лугу, Адам Ант, «Дюран-Дюран». В углу

белый, будто игрушечный, туалетный столик, сверкающий аккуратными рядами флаконов и баночек. Сэра вздрогнула, и Грэм подумал, что она плачет. Он непроизвольно зарылся лицом в облако ее волос.

Сэра подняла голову, слез не было. Она положила руки на покрывало и стала пытливо вглядываться в его лицо: ее пристальный взгляд исследовал его правый глаз, потом левый, затем скользнул к губам. У него возникло такое ощущение, будто его изучают, чтобы навесить бирку; он чувствовал себя мотыльком, попавшим в темную полосу антимаяка, и не знал, как вырваться из плена этих внимательных черных глаз.

– Прости, Грэм, я не собираюсь с тобой заигрывать, – сказала она, снова опуская голову на руки. – Мне просто нужно кого-нибудь обнять, и ничего больше. У меня сейчас... ох... – Она тяжело покачала головой, прервав свои объяснения.

Он накрыл ладонью ее руку.

– Вот меня и обними, – предложил он. – Я не против. Тут все ясно.

Не поднимая лица, она привалилась к его плечу, потом ее руки осторожно обхватили его за пояс, и так они просидели еще очень долго; Грэм слушал отдаленный шум вечеринки и при этом чувствовал – и телом, и полукругом своей руки, лежащей на ее плечах, – каждый вдох и выдох Сэры, нежный прилив и отлив ее дыхания. «Умоляю, – заклинал он, – умоляю, не входите сюда, миссис Хантер. Не разрушайте это хрупкое неземное блаженство».

На лестнице слышались шаги, и Грэму показалось, что его сердце старается попасть им в такт, но шаги и смех удалились. Он обнимал Сэру, вдыхая ее аромат, и таял от ее близости. Его пьянили ее духи, само ее присутствие; он испытывал такое чувство... какого прежде не ведал.

Этого не может быть, твердил он себе. Что тут происходит? Что со мной делается? Это такое счастье, такое умиротворение, какого не приносила даже любовная близость. Ночные похождения в Сомерсете, в чужих домах или машинах, а то и прямо на траве, в лунном свете; тщательно подсчитанные и сопоставленные победы; они превратились в ничто. Сейчас существовало только это.

Господи, надо же быть таким идиотом.

В январе, среди этого сумбура, в старом лондонском доме на Госпел-Оук, я теряю свое сердце. Где уверенность, что она когда-нибудь ответит мне взаимностью? Силы небесные, если бы можно было продлить этот миг, просто жить, быть вместе, прижимать ее к себе, чтобы не боялась грозы, лежать в ее объятиях.

Сэра снова шевельнулась, и Грэм невольно сравнил ее с ребенком, который вздрагивает во сне; он с улыбкой растворялся в плавном течении ее духов, струившемся от непослушных черных волос, но она проснулась и подняла голову, слегка отстранилась и посмотрела на него искоса, да так, что ему пришлось поспешно спрятать улыбку, которая не предназначалась никому.

– О чем задумался? – спросила она.

У Грэма вырвался глубокий вздох.

– Я задумался о том... – с расстановкой ответил он, ощущая ее руки у себя на поясе (но нет, одна рука взметнулась вверх, чтобы убрать со лба волосы; правда, она тут же вернулась на прежнее место и сомкнулась с другой!), – о том... есть ли возможность определить, что это было за вино. Ну, вино у тебя в тужельке. Можно ли определить, какого года урожая... из каких виноградников... м-м-м... с южного или северного склона, с кислых или известковых почв.

Беззащитное бледное лицо в обрамлении черного ореола озарилось широкой улыбкой и вмиг оттаяло. Он задохнулся от этой красоты – и оттого, что такая перемена произошла не без его участия. У Грэма даже раскрылся рот, но он вовремя это заметил.

– Тебе надо организовать конкурс по дегустации шампанского из женских тужелек, – засмеялась она.

Он довольно кивнул. Сэра вздохнула; выражение ее лица снова переменилось, она убрала руки и согнулась пополам, обхватив себя за плечи.

– Мне нужно в туалет, – сказала она. – Ты не уйдешь?

– Не уйду, – пообещал он и упрекнул себя за излишнюю серьезность, потом дотронулся до ее руки и спросил: – Тебе нехорошо?

– Это нервы. – Сэра покачала головой и посмотрела на его руку. – Спасибо тебе за... просто спасибо, и все. Я сейчас вернусь.

Она быстро поднялась и вышла из комнаты. Грэм повалился на кровать и широко раскрытыми глазами уставился в белый потолок.

Никогда в жизни он бы не поверил, что такое возможно. Со временем перестаешь верить в Деда Мороза, в волшебников, во всезнание родителей... и в такую вот быющую через край, самозабвенную, безумную, сказочную любовь, которая считается идеалом. На деле все заканчивается сексом, изменой, разводом. Да, случаются увлечения, но чтобы любовь вспыхнула с первого взгляда, благоухания и прикосновения? У него? Куда улетучился его тщательно культивируемый цинизм?

Сначала Грэм лежал без движения и просто ждал. Через некоторое время он поднялся и начал мерить шагами комнату под высоким потолком, разглядывая ряды постеров и мягкие игрушки, два старых платяных шкафа, миниатюрную стойку-елочку для колец, увешанную дешевыми яркими побрякушками. Он пощупал плотные темно-зеленые гардины, выглянул в сад и рассмотрел соседний дом, высокий и неосвещенный. По небу разливался желтоватый свет; в саду пигментными пятнами белели плашки снега. Наконец дверь отворилась. Грэм радостно обернулся.

На пороге, покачиваясь и держась за косяк, стояла высокая, нетрезвая на вид женщина с острым лицом и соломенными волосами, одетая в красный спортивный костюм.

– Как ты тут, голубчик? – спросила она Грэма, оглядывая комнату.

Грэм попытался изобразить улыбку:

– Все в порядке, миссис Хантер. Миссис ффитч вышла... м-м-м... в туалет.

– Понятно, – сказала женщина. Грэм встречался с ней на торжественном вечере в честь окончания семестра, но она, похоже, его не узнала. – Ну, тогда ладно. Смотрите только... простыни не замарайте.

Она удалилась, прикрыв за собой дверь.

Грэм нахмурился, размышляя над ее словами. Тут дверь распахнулась снова, и перед ним еще раз возникла миссис Хантер.

– А мужа моего не видали? Я миссис Хантер, Марти – мой муж.

Грэм отрицательно покачал головой. Излишняя учтивость была бы ни к чему; он почти презирал эту пьяную особу.

– Нет, миссис Хантер, – сухо сказал он, – вашего мужа я не видел.

– М-м-м, – промычала она и ушла.

Теперь Грэм все время смотрел на дверь, но ее больше не открывали. Кутерьма вечеринки не утихала. В воздухе запахло чем-то подозрительным: то ли травкой, то ли смолистыми парами. Грэм вернулся к окну и стал рассматривать отражение комнаты в оконном стекле. Он посмотрел на часы и прикинул, сколько времени отсутствовала Сэра. Целую вечность. Может, пойти и проверить, не случилось ли чего-нибудь дурного? А вдруг ей это будет неприятно? А вдруг все же что-то случилось? Вдруг она лежит без сознания?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.